Последний Словотворец. Ложная надежда

Автор:
Ольга Аст

Последний Словотворец. Ложная надежда

Ольга Аст

Словотворцы магических миров

Когда-то Дартелия была великой страной, которая удостоилась благословения Богов и даровала миру великих Словотворцев. Они служили достойным правителям, наделяя их силой Небес. Но настали тёмные времена. Короли прогневали Богов и те лишили их своего дара. Мир повергся в хаос и кровопролитие, обращая земли в проклятые пустоши. Только через сто лет разрушений на трон взошёл достойный молодой король Бардоулф, который заявил, что восстановит Дартелию и найдёт предназначенного ему посланника Небес.

Этан с ранних лет был вынужден сторониться окружающих, скрывая свои зловещие сновидения. Но одна ошибка втянула его в опасную игру, на кону которой стоит благополучие страны. Теперь для всех он должен стать легендарным Словотворцем и надеждой всего живого.

Сможет ли Этан узнав, какая жестокая правда таится за стенами дворца, справиться со своими страхами и стать непревзойдённым самозванцем, отдав себя человеку чья жизнь обречена на смерть?

Ольга Аст

Последний словотворец. Ложная надежда

© Ольга Аст, 2022

© Яна Слепцова, иллюстрация на обложке, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Список главных действующих лиц

Страны триединства, в которых действует одна религия Трех Богов:

Дарте?лия

(главная страна, находящаяся в центре. Именно она была построена Первыми).

• Ба?рдоулф Дарте?лийский – действующий король Дартелии,

• Алеисте?р – советник короля.

Члены Совета Семи:

• лорд Валадиа?н Гри?сский,

• первосвященник Ава?т,

• лорд Мо?ске,

• Э?тан – Словотворец короля Бардоулфа,

• Вэ?йланд – капитан личной охраны короля и учитель Бардоулфа.

Род Ва?льтерсонов

(единственный род, который из поколения в поколение верно служит Его Величеству):

• лорд Дже?ральд – заместитель капитана личной охраны короля,

• лорд Мэ?йтланд – старший брат Джеральда и наследник рода,

• лорд Бе?рнайс – отец Джеральда и Мэйтланда,

• Йо?ри – личный мальчик короля,

• Симерио?н – староста поселения истиноверов.

Ве?лерос

(западная страна Триединства, отличающаяся военной мощью).

• Эми?лий Велеросский – действующий король Велероса,

• леди Виве?я Се?леван – спутница короля Эмилия,

• Па?улус – посол Велероса и доверенное лицо короля Эмилия.

Хельгур

(закрытая страна на востоке, называемая лесным царством).

• Лаони?л – представитель Хельгура,

• Эйна?рия – сестра Лаонила, обладающая даром.

Танмор

(самопровозглашенная северная страна).

• Си?гурд – вождь в Танморе,

• Ре?рик Кья?рваль – посол,

• А?ллан – правая рука вождя.

Пролог

«В глубине веков на Небесах обитали три брата: боги Нэим, Сэим и Лэим. Старший – Лэим – был самым мудрым, и его взгляд простирался над западными равнинами. Средний – Сэим – обладал звериным чутьем, и его взгляд был обращен на восточные леса. Младший – Нэим – обладал необычным для богов качеством: любовью и состраданием к земным созданиям. Потому его взгляд всегда блуждал среди людей.

Он радовался их процветанию и огорчался угасанию. Он слышал все молитвы, но одна повторялась настойчивее остальных. То был мужчина, просивший у богов сил, чтобы защитить свой народ и семью от жестокой тирании. Обратил на него свой взор Нэим и увидел страдающую, но прекрасную и чистую душу. Но не мог он наделить божественной силой человека, ибо тот не выдержал бы ее мощи. И

решил тогда Нэим помочь ему сам.

Не сказав братьям, Нэим позаимствовал у старшего его мудрость, а у младшего – звериную сущность, и спустился он ночью к человеку в образе самого прекрасного и опасного зверя – Звездного Волка, шерсть которого была соткана из звездных нитей, а глаза горели изумрудами.

Вместе они одолели врагов…»

Утерянные сказания Словотворцев

«…Звездный Волк, утратив звериный облик, разделил свою жизнь с человеком и помог ему построить великую страну. Он даровал людям знания и магию слов, за что люди прозвали его Словотворцем.

После смерти Волка освободившаяся сила сошедшего на землю бога находила себе сосуды в избранных младенцах, из которых вырастали одаренные Небом Словотворцы. Они приходили на зов своих правителей и становились им советниками, друзьями, братьями. И равен, и верен был Словотворец королю до конца их дней.

Словотворец был связью между матерью-землей, небесными богами и правителем. Потому они возрождали пустые земли, дарили мир и процветание.

Те времена были светлыми и принесли много надежд. Но через сотню лет все изменилось. Короли ожесточились. Жадность, войны и разрушения поглотили их, и не слышали они голоса разума. Больше не существовало тех королей, которым стали бы служить потомки Нэима. Мир изменился.

Разгневанные правители повсюду искали посланников Небес, но находили в них только жалкие отголоски былой их силы.

Великие Словотворцы исчезли. Боги отвернулись от людей, а земля отвергла своих детей, порождая только болезни и голод.

Надежда ушла…»

Фрагмент из «Легенды о Словотворцах», одобренный религией Трех Богов и занесенный в официальные документы Триединства

Часть 1

Право на жизнь

Глава 1

== 402 год, эпоха Света ==

Я отстраненно наблюдал за тем, как земля под моими ногами превращается в багровую грязь. Воздух переполнился тошнотворными запахами гнили и горящей плоти. Душераздирающие крики мешали связно думать. Но даже они не могли меня остановить.

– Прекрати! Их нужно сдержать! Для чего ты их выпустил?

Для чего? Глупцы! Я даровал им свободу. Вы, недостойные, держали моих собратьев так долго взаперти, а я просто дал им волю. Мой взгляд скользнул по знакомому лицу. Оно же что-то раньше значило? Я усмехнулся про себя. Значило. Когда-то раньше многое для меня значило что-то. Когда-то давно я был глупым и наивным. Когда-то я был их надеждой и светом, а сейчас превращал все вокруг в Преисподнюю. Это из-за них я стал таким! Эта страна больше не должна существовать. Эти люди заслужили сгореть заживо. Я разрушу все,

уничтожу всех. Больше никто не посмеет мной пользоваться. Впредь буду только Я – последний Словотворец, один из Трех Богов – надежда людей, обернувшаяся концом эпохи Света.

Рядом со мной кто-то упал, истошно вопя. В него вгрызались острые зубы, разрывая плоть на куски. Алые брызги, попавшие на мою руку, стекали каплями по пальцам. Это ощущение что-то всколыхнуло в памяти.

А ведь точно, все начиналось с крови на моих руках – кровью же и закончится.

== 401 год, эпоха Скорби ==

Кровь капала с моих рук. Она была теплой и ослепляюще яркой. Металлический запах обжигал ноздри, а горло сжималось. Шум голосов пробивался как будто издалека. Я со страхом оторвал взгляд от своих рук. Передо мной лежало незнакомое тело. Именно оно являлось причиной всепоглощающего страха, нахлынувшего на меня.

– Прости…

Я вскинул голову в поисках источника звука. Человек стоял достаточно близко, но я не мог рассмотреть его лица – оно было подернуто дымкой, мой взгляд не мог пробиться сквозь нее.

– Прости… не смогли…

В его голосе слышалось отчаяние. Меня захлестнули противоречивые чувства – я ненавидел этого незнакомца и одновременно желал утешить его, сказать, что он не виноват. Сжав кулаки, я хотел было ответить, но почувствовал в ладони что-то твердое. В руке лежал неровный осколок черного камня, который на моих глазах светлел, меняя цвет на темно-синий. Он напоминал ночное небо, запятнанное алыми брызгами. Волна боли, намного хуже физической, накрыла меня, не давая даже дышать…

Темно. Пока глаза привыкали к мраку, грудь судорожно поднималась и опускалась, пытаясь вобрать в себя весь воздух. Я чувствовал, как пот

скатывается со лба, как рубашка липнет к телу; как страшно мне было взглянуть на свои руки. Я уже знал, что на них ничего нет – впрочем, как и всегда. Это был всего лишь кошмар, который повторялся все чаще и чаще. Это только очередной сон, очередная ночь, и ее надо просто пережить.

Я нашел взглядом неровные балки под потолком и угол, так полюбившийся паукам. Мои глаза заскользили дальше, находя окно, сквозь которое пробивался лунный свет. Можно было бесконечно разглядывать любую деталь в комнате, но это только оттягивало неизбежное. Вдох-выдох, и я резко поднял руки, поднес ладони к глазам. Пальцы слегка подрагивали, но они были чистыми, без крови и порезов, только с привычными загрубевшими мозолями. Из груди вырвался облегченный вздох. Сон с каждым разом становился ярче и реальнее. Иногда, просыпаясь в поту, я все еще чувствовал тот мерзкий запах и липкую жидкость на коже. Я страшился этих кошмаров, но не мог никому рассказать о них. Прослыть не просто странным, а окончательно больным мне совсем не хотелось. Единственный человек, который смог бы меня понять, был настолько далеко, что ни одна повозка и ни один корабль не могли меня туда доставить. Возможно, именно его смерть положила начало всему этому. Сейчас я даже не смог бы точно вспомнить, когда стал скрывать сны ото всех. Просто в один момент я заметил испуганный взгляд мамы и понял – иногда нужно притворяться и лгать ради других.

Это вошло в привычку. Я скрывал многое, даже то, что отец научил меня читать и писать. Все для того, чтобы не привлекать лишнего внимания, чтобы мама спала спокойно. И теперь у меня нет дурных снов, из-за которых я не сплю ночью. И нет спрятанных книжек под тонким матрасом.

– У меня все хорошо…

– Э?тан! Опять проспал? – громкий женский голос ввинтился мне в голову, и я резко сел в кровати.

В комнату пробирались солнечные лучи, а нос улавливал запах еды.

– Проклятье.

Опять не смог нормально поспать, надо поторапливаться. Вскочив, я подобрал с пола вчерашнюю одежду и быстро натянул ее. Осталось отыскать заплечный мешок.

– Этан! – мама уже не звала, а раздраженно кричала. – Ты опять заставишь тетушку Анни?н переживать?

Да она скорее выпотрошит меня прилюдно, чем я удостоюсь такой чести. Но в некоторой степени я был ей благодарен за то, что она дала мне самую заурядную работу. Моя семья годами пыталась влиться в общую серую массу и не привлекать к себе особого внимания. Пока это получалось очень даже хорошо.

Наконец я отыскал свой мешок в углу. Сквозь грубую ткань пальцы привычно нащупали твердый предмет – единственную вещь, с которой я никогда не расстанусь. Закинув мешок через плечо, я попытался проскользнуть к выходу незамеченным. Лучше не позавтракать, чем слушать очередные наставления мамы. Я тихонько прикрыл дверь своей комнаты и, осторожно ступая, стал пробираться мимо кухни.

– Братик, – сонный голосок заставил меня остановиться.

За моей спиной, потирая заспанные глаза, стояла малышка И?я. Я опустился на корточки и пригладил выбившиеся из косички светлые пряди.

– Почему моя принцесса не спит?

– Я услышала, как мама тебя зовет. Вчера ты вернулся поздно, а я хотела побыть с братиком. Хотела сказку на ночь. – Она надула пухлые губки.

– Сегодня обязательно расскажу.

– Обещаешь? – Ее глазки недоверчиво сузились.

– Обещаю! – Я клятвенно приложил правую руку к сердцу.

Девочка расплылась в улыбке, и я невольно ответил ей тем же.

– Кха-кха-ха… – Сестренку скрутил приступ кашля.

– О Небеса! Ия, зачем ты встала?! А ты не прохлаждайся и бегом на работу! Я не собираюсь за тебя краснеть перед тетушкой. – Мама мгновенно появилась рядом и, подхватив малышку на руки, унесла в спальню.

Всегда одно и то же. Мне, словно прокаженному, не давали находиться рядом с сестрой.

Запахи из кухни становились все ярче, и живот свело судорогой. Раньше всегда пахло травами и весь стол был завален пучками, соцветиями и стеблями. С каждым днем их становилось все больше и больше. Мама хорошо в них разбиралась и, словно лесная фея, гордилась каждым собранным листочком. Но и это ей пришлось оставить в прошлом, забыть и попытаться стать нормальной.

Не обращая внимания на голод, я вышел из дома. Погода на улице стояла не по-весеннему жаркая. Солнце ярко светило, нагревая землю и становясь с каждым годом все более безжалостным. Легкий ветерок развевал зеленую листву. Все казалось таким живым, но при этом таким серым. Повесив свой мешок на плечо, я направился в небольшую пекарню на окраине. Дойти до нее можно было двумя путями, самый короткий лежал через малую площадь. Я не любил ее за толпы людей и проезжих торговцев, располагавшихся там, но сейчас времени не оставалось.

Чем ближе я подходил к площади, тем незаметнее мне хотелось стать. Я наклонил голову так, чтобы отросшие волосы упали на лицо и прикрыли собой его большую часть. Хотя что ни делай, а приезжие все равно кидали на меня свои косые взгляды. Я был слишком высоким и широкоплечим для здешних мест. Раньше меня часто останавливали и спрашивали, не из северных ли я народов. А те, кто был поострее на язык, и вовсе говорили, что моя мать понесла от дикарей и скрывает это. Поэтому я всегда предпочитал идти в обход – длинной дорогой.

Но сегодня на меня мало обращали внимание. Люди сгрудились у помоста, с которого доносился звучный голос проповедника: он читал Писание Трех Богов и возносил хвалу нашему правителю. Люди перешептывались, а некоторые даже

громко спорили. Большинству не нравилась политика нового короля, другие же, наоборот, защищали его, поклоняясь ему, словно божеству.

Я, как и многие, помнил бесконечные войны и казни при прежнем правителе. Короли Дарте?лии приходили и уходили, но одно оставалось неизменным – страна угасала, их стараниями она пришла в упадок. Однако пять лет назад, после кончины очередного кровавого тирана, на трон взошел молодой наследник – Ба?рдоулф. Народ не ждал ничего хорошего от шестнадцатилетнего юноши, даже несмотря на признание его правления Богами. Но с каждым годом он доказывал свои способности в ведении переговоров, восстанавливая по крупицам руины, доставшиеся ему в наследство. И все равно некоторые высказывали недовольство.

Я поспешил пройти через толпу зевак. Мне не было дела ни до короля, ни до политики, ни до религии. Моя жизнь сводилась к одному – нужно работать. Работа – это деньги, а деньги – это жизнь. Пусть о возвышенном рассуждают те, кому нечего делать. Меня же ждет обычная и потому безопасная рутина.

Я выбрался на более узкие и пустынные улочки. Обычно здесь редко можно было встретить людей, но мне сегодня не везло. Возле небольшой лавочки громко спорили юноша и старик. Они так распалились, что даже не заметили моего присутствия.

– Ты с меня 120 да?ртов хочешь содрать за клочок бумаги?! – Старик тряс в воздухе кулаком. – Я же не письмо написать прошу!

– Так смотри, тут даже не на нашем языке написано. Это еще дороже, нужно сначала разобрать символы, сверить их. А тут слов разных много. Смотри сколько написано! – Парень упрямо выпятил острый подбородок и, расправив письмо, указал на закорючки.

Я невольно пригляделся к словам, на которые показывал писарь. Что это был именно он, не составило труда догадаться по изображению пера и чернильницы на вывеске. Да, стиль написания выглядел старым, но при этом точно дартелийским. Парень явно врал, как и насчет того, что в письме было «много разных слов». Даже с такого расстояния я заметил, что слова повторяются. Старика нагло обдирали.

– Не хочешь платить – так не надо, иди и ищи другое место.

Видно, что мужчина хотел что-то возразить, но лишь покачал головой. Он переставил свою трость поудобнее и полез в карман. Мне стало жалко этого несчастного. Скорее всего, его так облапошат еще не один раз. Поддавшись секундному порыву, я ускорил шаг и якобы случайно задел его, постаравшись сделать это несильно, но все равно от толчка старик качнулся вперед и выронил трость.

– Простите меня, совсем не смотрю куда иду. – Натянуто улыбнувшись, я нагнулся за упавшей тростью.

Подобрав ее, я подошел вплотную к старику и понизил голос до шепота, надеясь, что у писаря не очень острый слух:

– Он вас обманывает, письмо не стоит таких денег. – И уже громче добавил: – Извините еще раз.

Старик удивленно смотрел на меня, не говоря ни слова. Я быстро развернулся, стремясь скорее уйти. Возможно, он даже не поверил мне, посчитав, будто перед ним просто очередной увалень, который чуть не опрокинул беднягу на землю. Запоздало пришла мысль о том, что мой поступок был немного опрометчивым, но я отмахнулся от нее. Вряд ли старик запомнил меня – а если и так, то найти точно не сможет.

– Ты – бестолочь! Опять отдал хлеб этой мелюзге! Ни на что не годен! Весь в своего папашу, бесхребетный, да еще и ущербный, тьфу! – Грузная женщина сплюнула под ноги и скрылась в подсобке.

Я сидел на крыльце небольшой лавочки, которую содержала семья тети Аннин. Здесь и была моя однообразная тяжелая работа. За нее мне немного платили и отдавали подгоревший хлеб. Ничего сложного, но я частенько подкармливал беспризорную малышню испорченной выпечкой, за что и получал нагоняи. Когда тетя это замечала, то любила припомнить и моего отца, и, конечно же, меня,

который пошел «в этого неудачника». Ее ничуть не смущало то, что я плохо его помнил и не знал, как он умер на самом деле. Некоторые говорили, будто его казнили за то, что он скрывал преступника, другие же утверждали: его нашли в сточной канаве. Вариантов было много, но правды так никто и не узнал. Мама молчала и лишь злилась. А когда я захотел порадовать ее и стал читать одну из отцовских книг, то она впервые меня ударила. На следующий же день мать сожгла все его книги и записи, запретив даже вспоминать о том, что я умею читать. Тогда мне удалось спасти только несколько книг, включая и его собственную. Отец перед отъездом оставил ее именно мне, говоря, что две одинаковые книги станут нашим мостом через расстояние и время. Потом мы переехали из нашего уютного и вкусно пахнущего травами домика на окраину шумного и многолюдного центра Дартелии. Вот так одним днем была перечеркнута прежняя семья, и по желанию моей матери мы стали обычными, смешавшись с разношерстной толпой. Она выкинула все свои травы, а мои кошмары и тягу к книгам назвала постыдным отклонением.

Для всех остальных я был бедным больным ребенком, который порой вел себя очень странно. Последствием такого выбора стало скорое появление еще одного человека в нашей жизни – отчима. Все было терпимо и даже хорошо, пока я не подрос и не стал походить на отца. Об этом мне каждый раз напоминала тетя: «Ты просто его копия, такой же непробиваемый, хорошо еще, что в книжонки не утыкаешься». После этого мама стала смотреть на меня более настороженно.

Под их косыми взглядами я рос замкнутым. Мне было сложно подружиться с другими детьми, и я предпочитал быть один. И, конечно, больше всего на свете мне нравилось читать, хотя приходилось тщательно это скрывать. С годами мало что изменилось, мне так же трудно было найти общий язык с ровесниками. Единственные, кто тянулся ко мне везде и всюду, были дети. Они приходили в восторг, когда я им втайне от всех рассказывал сказки и иногда подкидывал негодный хлеб. Круг замкнулся.

– Хватит балду пинать, – тяжелая фигура тети появилась в дверном проеме, – возьми вон те мешки и отнеси их в таверну, да пошевеливайся.

Я вздохнул и покосился на очередные неподъемные баулы. Тетя Аннин нетерпеливо ждала, сложив руки на груди. Примерившись к мешкам, я поочередно закинул их за спину. Казалось, еще немного – и мой позвоночник просто сломается под их тяжестью.

– Ничего, вон какой лось вымахал, а морщишься, словно старый осел, – сказала она, наблюдая за мной. – Отнесешь и можешь домой валить.

Идти было не так уж и далеко, но под солнцем, которое накалило уже все вокруг, эта дорога казалась путем на посмертный костер.

Таверна встретила меня приятной прохладой и запахом дубовых бочек. Для посетителей было еще рано, и только за одним столом я заметил кучку завсегдатаев. Владелец – невысокий и улыбчивый мужчина, – увидев меня, приветливо махнул рукой. Только сняв с себя мешки, я понял, что промок от пота до нитки и сейчас продал бы что угодно за глоток воды. Хозяин открыл мешки и, проверив содержимое, довольно хмыкнул.

– Как всегда, отлично, – он окинул меня взглядом и улыбнулся еще шире, – Ми?ха, налей парню прохладной водички. А ты, Этан, сядь, передохни.

Я с благодарностью опустился на ближайший стул и откинулся на его спинку. За соседним столом громко галдели мужики, и я невольно прислушался к их спору.

– Брешешь все.

– А вот и нет! – Один из них грохнул кулаком по столу. – Говорю же, ищут их до сих пор.

– Так это сказки все, их и не было никогда.

– Было, не было, какая разница, – первый понизил голос, и я немного наклонился вперед, чтобы расслышать. – Ты представь, деньги-то какие за это получить можно?! Работорговцы-то мигом хватились. Они сейчас этих разыскивают и потом сдают куда надо за хорошие суммы.

– Так они же ненастоящие.

– А им какая разница, они нашли тех, кто на них похож, и сдали. А там уже пускай верха разбираются, что с ними делать. Только, говорят, обратно еще никто не возвращался.

– А может, просто наш король мальчиков любит, – мерзко гоготнул второй, – вот и привозят ему товар на выбор.

Первый почесал бороду.

– Да какая разница, главное, за это платят много. А мальчиков он любит или этих – мне вообще нет дела. – Он с досадой опрокинул в себя остатки выпивки и крикнул: – Эй, девка, неси еще пойла, живее! Я тут деньги плачу.

Мои руки непроизвольно сжались в кулаки. Миха была хозяйской дочкой и помогала обслуживать посетителей. Она всегда казалась мне слишком скромной и милой для такой работы. Многие даже приходили сюда просто полюбоваться ею, но находились и такие отбросы, позволявшие себе грязно к ней обращаться.

До моей руки дотронулось что-то прохладное. Я поднял голову и встретился взглядом с Михой. Ее длинные пальчики скользнули по моей коже, и она едва заметно качнула головой. Девушка улыбнулась и поставила передо мной запотевшую кружку.

– Эй, скоро там? Каракатица быстрее ползет! – Этот мерзкий бородач развалился на стуле и выжидающе смотрел в нашу сторону.

Миха развернулась к ним и, улыбнувшись, сказала:

– Я не смогу принести вам выпивку, вы задолжали еще с того раза. Но если сейчас расплатитесь, то я вынесу вам столько выпивки, на сколько хватит ваших щедрых кошельков.

Я удивленно смотрел на это хрупкое создание. Она проговорила это все твердо, без запинки.

– А если откажусь?

Видимо, выпил мужик много, потому что только в пьяном угаре можно было потерять здравый смысл. За порядком всегда следила городская стража. Новый король строго относился к любым дебошам и нарушениям. Зачинщиков бросали в темницу, а в некоторых случаях прилюдно казнили в назидание остальным.

– Тогда мне придется позвать стражников. – Миха стояла гордо выпрямившись.

– Ах ты дрянь! Да кто тебя учил так со старшими разговаривать?

Бородач вскочил, опрокинув стул, и подался вперед. Я мгновенно поднялся, загораживая девушку собой.

– Я научил. А тебя кто учил? – Из подсобки вовремя вышел хозяин. От его дружелюбия не осталось и следа. – Убирайтесь-ка вы из моего заведения, стража-то вон уже идет. Они в это время постоянно заходят. Ну а если не хотите, что ж, посмотрим на вас, когда в темницу бросят.

– Чтоб тебя демоны драли, – сплюнул бородач. – Пойдем отсюда.

Он кинул пару монет на стол и вместе со своим дружком вышел, громко хлопнув дверью.

– Фух, – облегченно выдохнула Миха.

Я почувствовал, как чуть выше локтя натянулась ткань моей рубашки, и оглянулся. Девушка слегка дрожала и одной рукой держалась за меня. Заметив мой взгляд, она немного покраснела и разжала пальчики. Я же готов был стоять так хоть вечность.

– Спасибо, я немного испугалась. – Она смущенно улыбнулась.

– Часто здесь так? – обратился я к хозяину.

Тот покачал головой.

– Благодаря новым законам гораздо спокойней стало. Но такие тоже иногда захаживают. Думаешь, если бы такое каждый день было, я пустил бы свою дочурку работать рядом с этим сбродом?! – Он недобро зыркнул в мою сторону.

– Нет-нет, что ты. – Я выставил ладони перед собой, признавая, что был не прав.

– Но сегодня они разошлись… – Хозяин задумчиво пригладил седеющие волосы.

– Просто они опять слухи обсуждают, вот и бесятся, что выдуманной прибыли не получают. – Девушка недовольно уперла кулачки в бока.

– А кстати, про что они говорили-то? – Признаться, я не понял их спора.

– Садись, парень, и пей водичку, не то нагреется, а слухам таким лучше вообще не верить.

Я послушно сел на свое место и сделал пару глотков. Как же, оказывается, хотелось пить! Вода была такой освежающей, что я не заметил, как осушил всю кружку.

– Спасибо, – от чистого сердца поблагодарил хозяина я. – Ну а все-таки, о чем они болтали?

– Эк любопытные какие все пошли, – прищурился мужчина. – Хотя все равно услышишь от кого-нибудь.

Он сел напротив меня.

– Миха, прибери столики, скоро будет не протолкнуться. Ну, слушай, если любопытно. Говорят, что наш король стал усиленно искать Словотворца…

– Словотворца?

Наша вера превозносила этих людей, ни одна молитва не обходилась без упоминания о них. Но это были сказки, легенды еще со времен образования Триединства. Писалось, что Словотворцами были потомки первого Бога, сошедшего с Небес на землю. Ими являлись лишь мужчины, и предназначались они только достойным королям Триединства, в венах которых текла кровь основателя Дартелии, дабы служить им своей силой и одарить их своей мудростью. Но это было в незапамятные времена. Их не видели уже сотню лет – со времен первой войны. Они просто исчезли. И для всех Словотворцы стали божественными людьми из писаний и молитв. Но чтобы наш новый король тайно искал их?

– А ну, не перебивай старших! – сердито погрозил мне пальцем хозяин. – Да, именно их. Но это просто слухи. Говорят, что как-то находят возможных кандидатов и отправляют их к королю. А что дальше, никто и не знает. Вот только занимаются этим всем работорговцы.

Работорговля была запрещена законом, всех, кто нарушал запрет, отправляли на виселицу. Но это не мешало подпольно наполнять увеселительные дома ценным товаром под видом добровольного найма. Такие люди могли найти выход из любой ситуации.

– Поэтому многие и решили, что король наш не Словотворца ищет, а приглянувшихся мальчиков себе отбирает. И это самое плохое. Сейчас всякая гниль вылезет да всех подряд будет воровать и работорговцам продавать. А ведь как все на самом деле обстоит, никто не знает. Действительно ли король себе кого-то ищет или просто очередные слухи ходят? – Хозяин внимательно посмотрел мне в глаза. – Ты, парень, будь осторожнее, не нравится мне все это. Лично я, конечно, никого не знаю, кто пропал, но все равно…

– Ты чего, дядь, – улыбнулся я. – Посмотри на меня, да кому я сдался?

Хозяин окинул меня внимательным взглядом и тоже засмеялся:

– Тебя такого туда точно не возьмут. Надо было еще с малолетства в стражу проситься на обучение. Там таких, как ты, целая площадь наберется.

Когда я вышел из таверны, на город уже опускались сумерки, но было по-прежнему жарко и душно. Улыбка выдавала приподнятое настроение, а рука до сих пор ощущала легкое прикосновение Михи. Меня даже мало беспокоили толпы людей, попадавшихся на пути. Я полностью погрузился в мечтательное состояние и не заметил, как передо мной возник небольшой домик. Горячий ветерок порывами трепал пряди отросших волос. Здесь было так замечательно – всего в паре метров от места, которое мне так не хотелось называть домом.

Я сделал шаг на каменную дорожку. В одно мгновение все цвета поблекли, превратившись в серую массу. Именно таким я ощущал этот дом – бесцветным и удушающим.

– Я вернулся.

Мне никто не ответил. Недоумевая, я прошел сразу в кухню. Отчим сидел за столом, напряженно смотря в одну точку перед собой, и даже не обернулся на шум. Еда, разложенная по тарелкам, выглядела остывшей и не тронутой. Что-то тут было не так.

Недалеко скрипнула дверь. Пожилая знахарка из местных вместе с моей матерью выходила из комнаты Ии. Они прошли мимо меня к выходу. Я сел за стол напротив отчима. От звука выдвигаемого стула мужчина вздрогнул. Он взглянул на меня так, словно видел впервые.

– Этан, давно ты вернулся? – Отчим натянуто улыбнулся.

– Ия… Ей стало хуже?

– Ты прекрасно знаешь, как часто она болеет. Но сейчас все сложнее. – В дверях, устало прислонившись к косяку, стояла мама.

Ее тонкая фигура будто бы иссохла еще больше. А черные волосы, забранные в хвост, уже тронула седина. Удивительно, насколько мы с ней были не похожи. Даже темно-каштановые волосы достались мне от отца. Я не находил ни одной черточки, ни одной капельки цвета, что напоминало бы во мне мать.

За стеной раздался кашель.

– Пойду к ней, – тяжело поднялся на ноги отчим.

Я дождался, пока услышу скрип закрываемой двери.

– Ты точно не можешь ей помочь?

Я слишком хорошо помнил то время, когда к маме обращались за помощью и она все силы вкладывала в знахарство. В памяти четко отпечатались ее сверкающие глаза и запах каждой травки.

– Не могу, я не помню…

– Не помнишь или не хочешь вспоминать? – Мои слова прозвучали резче, чем мне хотелось бы.

Мама вскинула голову и, оглянувшись на дверь, подошла ближе.

– Не смей упрекать меня! Ты не имеешь права. Я никогда бы не смогла ей помочь.

– Но если мы не сможем, то Ия…

Мама резко зажала мне рот рукой. Шершавая кожа неприятно царапнула губы.

– Не смей произносить это слово, ты понял меня?

Я отодвинулся от нее.

– Мы не можем ничего сделать, Этан, – уже более спокойно и твердо добавила мама, как будто пыталась в этом убедить нас обоих.

Мне хотелось закричать: «Можем! Ты могла не прятаться, а продолжать изучать свои корешки. А я мог… мог не жить такой жизнью. Возможно, тогда этого бы не произошло». Но я лишь произнес:

– Да, мы не можем ничего сделать.

Я лежал на своей узкой и жесткой кровати. Ноги неудобно свисали, а сон не хотел приходить. Я наблюдал, как паучок с несуразно большими лапками плетет свою паутину. Почему-то все пауки делали это только в одном углу. Раньше я любил мечтать, что это какая-то тайна, которую знают только особые пауки. Именно им было поручено плести тут паутину, несмотря ни на что. Теперь же я лишь раз за разом смахивал липкие нити. Сейчас мне казалось, что этот нескладный паук плетет сеть для меня. Потому что я не знал, что делать. Во мне, переворачивая все внутри, зарождалась буря. Рука невольно опустилась на заплечный мешок, валявшийся рядом с изголовьем кровати. Пальцы нащупали отцовскую книгу и сжали корешок.

– Что же мне делать?

Я понимал, что Ие требовалось хорошее лечение, которое могли себе позволить только богачи. Услуги образованного лекаря стоили дорого, как и лекарства. Где же взять столько денег обычному человеку? Я мог заниматься любой тяжелой работой, но за нее платили жалкие гроши.

Вспомнился разговор в таверне про работорговца. Да что уж, меня даже не возьмут в увеселительный дом восточного района. При мысли о том, как я буду глупо там выглядеть среди небесных мальчиков и девочек, уголки губ сами поползли вверх.

Внезапно меня охватила злость за все и на всех. Даже на этого несчастного паука. Я повернулся на бок, поджав под себя ноги.

Сон настиг меня неожиданно, так же как и пробуждение. Я проспал в одной позе всю ночь, и сейчас затекшие мышцы ныли.

Утро не принесло решения проблемы, все было таким же серым. Кашель за стеной резал уши. Я мог сколько угодно злиться на мать, но сестренка была тут ни при чем. Ночью я надеялся, что решение все же упадет на меня с неба, но в голове лишь четко звучали слова: «Мы не можем ничего сделать».

Я быстро собрался – мне хотелось скорее уйти и работать до потери сознания, так чтобы боль в теле заглушила мысли в голове. Тихонько открыв дверь, я уверенно направился к выходу.

– Мамочка, а сегодня братик расскажет мне сказку? – хриплый голосок застиг меня врасплох.

– Да, мое солнышко, если ты хорошо сегодня отдохнешь, то обязательно расскажет.

– Он мне обещал, кхе-кхе, сказку…

Ноги сами унесли меня прочь от дома по знакомой тропинке, подальше от толпы, города и проблем. Я остановился лишь тогда, когда увидел знакомый берег с

раскидистым деревом и узенькую речку. Меня это успокаивало – сидеть на берегу и листать книгу, чувствуя защиту бугристых корней.

Я присел у воды и, набрав ее в ладони, плеснул на лицо. Холод приятно отдавался покалыванием по коже. Наверное, я был наивным, раз думал, будто проблема с Ией решится сама по себе. Но мне с тупым упрямством не хотелось верить, что жизнь ребенка так по-глупому зависит от горстки монет. Я хотел что-то сделать. Только вот все мои умения сводились к перетаскиванию мешков с мукой и чтению одной и той же книги в тени этого дерева.

Вытерев тщательно руки, я перебрался ближе к стволу. Он был необъятным и мог скрыть за собой несколько людей. Пусть и на краткий миг, но я оказался только в своем мире. Привычная тяжесть отцовской книги в руках, открытая и уже наизусть выученная страничка – это было только моим. Он часто говорил, что не существует таких проблем, для которых не нашлось бы решения. Но ситуация казалась поистине безнадежной.

– Эй, парень…

Я вздрогнул от звука незнакомого голоса. Обычно здесь я никого не встречал, очень редко сюда захаживали старики, но это случалось в основном ближе к вечеру. Приподнявшись, я огляделся.

– Да-да, ты.

Сомнений не было, говорили именно со мной, поэтому мне оставалось только выйти из своего укрытия. На пригорке, с которого начинался спуск к речке, стоял невысокий пожилой мужчина. Он сильно сутулился и опирался на трость. Я выдохнул: скорее всего, это был один из этих самых старичков, гулявших вечерами у реки. Они частенько просили меня помочь им спуститься вниз.

– Нужна помощь?

– О да, парень, нужна. – Он радостно закивал, но при этом не отрывал взгляда от моих рук. – Ты не мог бы прочитать вот это?

Он потряс в воздухе обрывком бумаги. Увидев, куда устремлен его взгляд, я вздрогнул, ведь до сих пор сжимал в руках книгу. Дурное предчувствие охватило меня, стоило только присмотреться к старику – это оказался тот самый человек, с которым я столкнулся у писчей лавки.

– Сейчас поднимусь к вам.

– Вот уважил старика, парень, уважил. Второй день хожу, и все отказываются помочь. Деньги всем подавай. А мне всего лишь закорючки прочитать надо. Дочка моя письмо передала, а я, старый, даже прочитать не могу. А вдруг случилось что?! – Он начал ворчать, опершись на трость уже двумя руками.

Такое происходило часто. Хотя умения читать и писать не были редкостью в наше время, скорее, показателем твоего сословия и денег. За такие услуги всегда брали хорошую плату, будь то чтение или написание писем. Когда-то и я тоже хотел устроиться в писчую лавку, но как только мама узнала об этом, она второй раз за все мои семнадцать лет подняла на меня руку, вновь напомнив о моей ненормальности.

Положив книгу обратно в мешок, я поднялся к старику. Наверное, он был неместный, раз подошел ко мне с этой просьбой. Другие в лучшем случае просто снисходительно улыбнулись бы, не восприняв мои слова всерьез. Моя слава местного несчастного больного распространилась до самых окраин.

– Давай твое письмо.

– А точно разберешь закорючки-то, а? – Он недоверчиво прищурился.

– Разберу, – сухо ответил я и добавил: – Если не хочешь, то иди плати деньги.

Последние слова подействовали на старика лучше всех уговоров. Он тяжко вздохнул и протянул мне смятый листок. Я аккуратно расправил его. Действительно, буквы больше смахивали на какие-то закорючки. Вроде бы они были знакомы, но одновременно и нет. Я глубоко вздохнул и напряг глаза, всматриваясь в текст.

– Слушай, старик, а ты точно уверен, что это письмо?

– А что случилось? – Он опять прищурился. – Прочитать не можешь? Так сразу и сказал бы, что не умеешь. Я-то, старый, думал, что если ты с книгой сидишь, то умный небось…

Меня задели его слова.

– Да погоди ты. Могу я прочитать, просто тут не письмо, а ерунда какая-то.

– Какая такая? – Он вытянул шею, заглядывая мне через руку.

– Обычная. Здесь несколько слов, и они просто повторяются. Вот смотри, – и я ткнул пальцем в одинаковые символы, – видишь? Три одинаковых слова.

Старик поскреб щетину на подбородке и как-то странно на меня покосился. Но потом, словно опомнившись, воскликнул:

– Эх, дурная голова, перепутал я, наверное, и взял не то! Вот же старый.

Вдруг он схватил меня за рукав рубашки.

– Парень, ты же вроде хороший, помоги, а? У меня дома письмо то лежит. Вдруг с дочкой что случилось!

От такого напора я растерялся – меня еще никогда так настойчиво ни о чем не просили. Помочь мне ничего не стоило, но что-то мешало вот так сразу согласиться.

– Дедуль, я бы с радостью, но мне пора уже. Меня на работе ругать будут.

Я попытался аккуратно отцепить его пальцы от рукава, но старик еще сильнее сжал их. Надо признать, хватка у него была не слабая.

– Тогда после работы? Я сюда же приду. – Он выглядел испуганным и злым одновременно.

– Мне сразу домой надо, дедуль, так что извини.

– Жена, что ли, ждет? – Он отпустил мою одежду и теперь лукаво ухмылялся.

– Нет у меня жены.

– Это хорошо… – Старик задумался.

– Чего хорошего?

– Да молодой еще, успеешь. Я со своей старухой знаешь как намучился? Небеса упокой ее душу.

– Я пойду тогда?

Мне хотелось как можно быстрее оказаться подальше от этого странного старика и его писем. Что-то внутри неприятно шевельнулось.

– Иди-иди, парень. Может, свидимся еще.

Его последние слова почему-то отдавали такой уверенностью, что больше напоминали угрозу. В груди неприятно тянуло, обдавая волнами беспокойства. Земля качнулась, начиная оживать. Нет, только не сейчас! Дыши-дыши, нужно просто дышать. Я медленно удалялся от дерева, заставляя себя концентрироваться на дыхании. Только через некоторое время все вокруг обрело нормальные очертания. Поведение старика и мой испуг чуть не спровоцировали приступ. Но даже после того, как мне стало легче, я не сумел избавиться от нарастающего чувства, которому не мог найти названия и объяснения. Оно всегда сопровождало меня в кошмарах. Что-то должно было измениться, и меня это пугало.

Глава 2

– Следующий.

Последовал грубый толчок в спину. Передо мной стояли трое и еще двое после. Шесть стражников вели нас по узкому каменному туннелю, пахнущему сыростью и гнилью. Один только их внешний вид заставлял съеживаться от страха. Не думал, что стража может походить на головорезов. Я слышал, как парень, стоявший за мной, трясся всем телом. Он боялся, а я, подавив первые приступы животного страха, просто пытался понять, что здесь происходит. Но в одном я не сомневался – мое предчувствие утром не было ошибочным. Думая, что все изменится, я и представить не мог, каким кошмаром обернется эта мысль в действительности.

Весь день я провел в сомнениях. Меня преследовали слова старика, даже отвратительная каша и сгоревший хлеб потеряли свой вкус – мысли атаковали мой разум.

Я торопился закончить работу, выкладываясь как никогда. Беспричинная тревога подстегивала и будоражила нервы, заставляя двигаться быстрее, чтобы найти спасение в боли гудящих мышц. Мне казалось просто необходимым вернуться домой раньше. Я не мог объяснить почему и готов был даже пойти через площадь, полную людей. Но, видимо, Боги строили на меня другие планы – все складывалось вопреки моим желаниям.

Тетя дала мне последнее поручение, и, когда я разобрался с доставкой, на город уже опускались сумерки. Идти через площадь значило делать еще больший крюк, поэтому я подавил в себе гнетущее беспокойство и направился вдоль берега.

Солнце практически село, отчего приближающееся дерево стало напоминать причудливого монстра. Улыбнувшись своим мыслям, я пытался понять, с чего вдруг так испугался старика. Это было глупо.

Расслабившись, я не заметил, как тени от дерева, изменившись, двинулись на меня, а звук шагов донесся до меня слишком поздно. Зато боль от удара в ребра оказалась настолько сильной, что в ушах зазвенело. Один накинул мешок мне на голову, другой же при моей попытке вырваться просто еще раз ударил кулаком в живот. Очередная волна боли сковала мышцы, и я согнулся пополам, судорожно кашляя. Незнакомцы бесцеремонно схватили меня, связали руки за спиной и засунули вонючую тряпку в рот, а затем куда-то повели.

Через бесчисленное количество шагов мы наконец остановились. С головы резко сдернули мешок.

Около меня стояли трое мужчин. Тот, что был ближе, растянул губы, показывая наполовину беззубый рот. Другой вышел вперед. В сумерках я с трудом мог его разглядеть.

– Там был только он.

Теперь я заметил, что к нам подошел кто-то еще.

– Надеюсь, вы ничего не напутали, – послышался скрипучий голос.

Я безуспешно вглядывался в темноту, пока второй похититель зажигал факел. Человек резко толкнул меня вперед, держа мое лицо так близко к огню, что еще чуть-чуть – и мои волосы загорелись бы.

– Парень, высокий, крупный, темные волосы, при нем мешок с книгой. Он?

Незнакомец подошел ближе к свету. Рука с перстнем сжимала трость, но осанка была безупречной. Костюм идеально сидел на фигуре, даже на первый взгляд он казался очень дорогим. Мужчина напоминал успешного торговца. Или, исходя из сложившейся ситуации, работорговца. Рядом с ним нервно топтался тот самый дед с письмом.

«Во что же я ввязался?!»

– Он? – Работорговец выжидательно уставился на старика.

Тот испуганно поднял на меня взгляд и прищурился.

– Да-да, точно, не сомневайтесь, я этого чудака ни с кем не спутаю, – в его голосе промелькнули заискивающие нотки. – Могу я получить свою награду?

Мужчина вытащил из кармана несколько монет и бросил старику. Они глухо упали ему под ноги. Старик, несмотря на возраст, проворно подобрал их с пыльной дороги и поспешил скрыться.

– Хорошая работа. Отведите его к остальным.

– Э, не, торговец, так дела не делаются. Деньги вперед.

Мужчина ухмыльнулся и протянул мешок. В нем мелодично звякнули монеты.

– Пять тысяч дартов, – в его голосе слышалось пренебрежение, будто ему была противна вся эта ситуация.

– Мы договаривались на шесть! – возразил беззубый.

– Шесть, если товар будет доставлен без царапинки, – отрезал торговец, глядя на мою сгорбленную фигуру.

– Так он это, вырываться начал…

– Тц, заткнись! – рявкнул другой, и я как смог скосил на него взгляд.

Манерой выговаривать слова он кого-то напоминал. Света от факела хватило, чтобы увидеть рыжеватую бороду и часть лица. Я узнал и его тоже – это был тот самый тип из таверны. Значит, вот на что он пошел ради денег. Следовало еще тогда сдать его страже.

– На нем ни царапинки.

– Думаете, что можете меня обмануть? – Глаза торговца сузились. – Он еле на ногах держится. А если я обнаружу хоть одно сломанное ребро, то вы не получите и пяти тысяч.

Он подошел ко мне и наконечником трости подцепил мою рубашку, задрав ее вверх. Я пытался сказать, что они ошиблись и я точно не похож на ценный товар, но из-за кляпа выходило только бессвязное мычание.

– А ну, тихо!

Мужчина пару раз ткнул тростью мне в грудь и бока, отчего вновь вспыхнула боль.

– Не смертельно, ребра целы. Вам повезло. Пять тысяч, и расходимся.

– Да чтоб тебя, жулик. По рукам.

Торговец бросил мужику мешок с монетами и, больше не глядя в мою сторону, прошел вперед. Меня подтолкнули и повели следом. Сердце билось где-то в горле. Страшно. Боги, как же страшно.

Меня отвели к кучке связанных людей. Затем нас всех передали в руки то ли стражников, то ли наемников. Их лица закрывали шлемы, а с пояса свисали мечи. Их облачение и эмблемы на доспехах говорили о принадлежности к городской страже. Конвоиры вели нас цепочкой по странному туннелю, и никто даже не пытался вырваться. Все юноши оказались либо худыми, либо, наоборот, чересчур дородными. По первому взгляду становилось ясно, что никто из них не занимался тяжелой работой. Возраста же мы были примерно одинакового. Кто же все эти люди?

Мы резко остановились перед дверью. Первому из цепочки развязали руки и вынули кляп. Юноша дернулся, пытаясь вырваться, но один из стражников легко припечатал его рукой к стене.

– Без глупостей, заходим по одному. Пока ваша шкура ничего не стоит! – гаркнул он.

Трясущегося парня впихнули в дверь. Не прошло и нескольких минут, как за ним отправился следующий.

Остался только один, потом должен был идти я. Желудок сжался, и тошнота подкатила к горлу. Успокоившийся страх нагрянул с новой силой. Сколько бы сказок я ни читал, о скольких бы приключениях ни мечтал, в реальности я оставался трусом.

– Теперь ты. – Стражник взял меня за плечо и, одним движением срезав веревки, толкнул в комнату.

Первым, что я увидел, было огромное кресло, повернутое ко мне высокой резной спинкой. За ней не удавалось разглядеть, кто в нем сидит. Рядом с креслом стоял высокий мужчина с длинными волосами и прикрывал нос ладонью. Атмосфера душила, а воздух казался тяжелым и спертым. Свет от факелов был направлен в основном на дверь, и от этого глаза непривычно резало.

– Начинай.

Я вздрогнул, когда из-за моего плеча возникла рука с книгой. Ноги стали ватными.

– Читай, немедленно! – Бас позади меня напугал еще сильнее.

Трясущимися руками я открыл книгу – буквы расплывались перед глазами. Глубоко вздохнув, словно от этого зависела моя жизнь, я погрузился в них.

– …

Я читал и читал, уплывая все глубже в написанное, и уже не видел ни комнаты, ни людей, ничего. Вокруг меня возникали чистейшие озера, сочная трава и бескрайнее небо. Вокруг меня все было живым.

– Достаточно, – резко оборвал меня мужчина, стоявший возле кресла.

Замерев, я с удивлением осознал, что еще немного – и мог бы провалиться в пустоту, как тем утром. Это было слишком опасно. Вокруг опять сгустилась духота. Мне хотелось крикнуть или сказать хоть что-то, но я не мог, язык словно стал каменным.

Длинноволосый о чем-то перешептывался с человеком в кресле и, кажется, сильно хмурился. Стук, удар кулака по подлокотнику. Что происходит?! Мужчина покачал головой и, переведя на меня взгляд, сказал:

– Подходишь. Встань на колени и опусти голову. Не смей ее поднимать.

Ледяной голос пробирал до костей. Я подчинился и сделал все как велели, ожидая чего угодно. Послышались шорох одежды и слабый металлический звон. Ко мне подошли, и я увидел кожаные ботинки, расшитые витиеватым узором, и полы плаща, ниспадающего под ноги. Внезапно к моей шее прикоснулось что-то холодное. Я вздрогнул, но быстро понял – на меня надели ошейник. Звякнула застежка, чуть зацепив кожу, и я невольно дернулся. От этого рука незнакомца слегка скользнула по моей шее, обдав еще большим холодом. Шорох одежды, и он покинул эту комнату, а я так и остался стоять на коленях с опущенной головой.

– Молодец, послушание хорошее, может, и не так все плохо будет, – протянул длинноволосый. – Позволяю встать и поднять голову. Дже?ральд, разберись с остальными.

Он махнул рукой, и за моей спиной скрипнула дверь. Теперь я остался наедине с этим мужчиной, выглядевшим утонченно, как аристократ. Он потер переносицу и задумчиво осмотрел мою шею.

– Ты не раб, если тебе интересно. Хотя я бы отдал предпочтение ему, нежели твоему нынешнему положению. – Он глянул куда-то за мою спину. – О, а ты быстро. Это к лучшему. Еще хоть немного в этом сыром подземелье, и я бы спятил. Отведи его и проследи, чтобы все было в порядке.

– Но… – Я попытался спросить хоть что-то, но мужчина лишь пренебрежительно махнул рукой:

– Завтра, все завтра. Джеральд, да уведи же ты его.

Чья-то рука легонько подтолкнула меня в спину, и я обернулся. За мной стоял мужчина, по сравнению с которым любой городской стражник казался щуплым и низкорослым увальнем. На нем были облегченные доспехи с выгравированным гербом Дартелии, а возле бедра крепились ножны с тускло поблескивающим эфесом. Гигантов, подобных ему, я видел только раз – они сопровождали нашего короля. Это была его личная охрана. Говорят, что их специально растили и готовили для служения Его Величеству.

Кивнув мне коротко стриженной головой, он направился к выходу, а я поспешил за ним. Мы шли в тишине по длинному каменному коридору, который освещали факелы на стенах. Он был намного просторнее того мерзкого туннеля, по которому нас доставили в это место. Тут хотя бы пахло только сыростью. Что же стало с остальными? Мое сердце бешено стучало. Их убили? Сомневаюсь, что оставили в живых.

Мужчина внезапно остановился, и я чуть не налетел на него.

– Боишься? – усмехнулся он.

На его грубоватом лице появилось подобие улыбки. Выглядело это, откровенно говоря, жутко.

Я промолчал.

– Говори, – потребовал он.

– Я теперь… кто? Что со мной будет? Сколько мне осталось? – Слова застряли в горле.

Брови стражника взметнулись вверх, а лицо приобрело крайне недоуменное выражение.

– Ты что, совсем тупой или от радости остаток мозгов растерял? – Он хохотнул. – Ты же пробовался в Словотворцы короля.

Словотворец короля? Я находился во дворце? Все оказалось куда хуже, чем мне представлялось. Я попал не в рабство, а, скорее, пришел на верную смерть. Какова вероятность, что я имел отношение к вымершему чуду? Правильно, меньше нуля. Теперь я стал понимать, кого приводили сюда. То треклятое письмо. Не знаю, на каком языке оно написано, и вообще, может, это была подделка, но уверен, дело именно в нем. Недаром этот дед так странно на меня косился, когда я смог его прочитать. Я совершил ошибку. Старик искал по писчим лавкам, помогая собирать «товар» на продажу, и надо же было мне именно тогда решить сыграть в благородного рыцаря. А теперь, как только об этом узнают, меня отправят на виселицу.

– А-а-а, – стражник расценил мое изумление по-своему, – так ты, наверное, про слухи те. Болтают всякое, что наш король мальчиков ищет, в рабство к себе забирает и убивает их потом. Не бойся, не тронут тебя.

Его взгляд переместился мне на шею. И я невольно протянул руку к ошейнику. Он был кожаным и не широким, с вплавленным в него камнем.

– Но вот его придется пока поносить. Это своеобразное напоминание тем, кто тебя увидит, – «собственность короля».

Его голос прозвучал тоскливо, но я не придал этому значения.

Остаток пути мы провели в тишине. Голова шла кругом, и я не заметил, как мы оказались в просторном коридоре перед дубовой дверью. Стражник указал на нее. «Добро пожаловать домой, Этан». Невесело усмехнувшись, я открыл дверь и сделал первый шаг.

Моя новая комната оказалась просто огромной, не сравнить со старой. Напротив маленького окошка стояла огромная кровать, застеленная серым покрывалом. Одну стену занимал большой шкаф, рядом стоял низкий сундук. Возле другой расположился маленький стол с двумя деревянными стульями. На нем горела лампа, от которой исходил мягкий и приятный свет. Ничего лишнего. Просто пустое и холодное пространство.

Первая ночь не дома. Все случилось так быстро, что я даже не вспомнил о своей семье. Что они подумали, когда я не вернулся домой? Как там Ия? Я осел на пол и зажал голову руками. От пустых стен громко отразился мой всхлип. Я не плакал с детства, но сейчас мне как никогда хотелось оказаться в своей крошечной комнате с проклятым пауком в углу и привычно сжимать в руках отцовскую книгу. Книга! Я вскинул голову. Она, скорее всего, потерялась – единственная вещь, которой я по-настоящему дорожил. Все, что случилось со мной, – это расплата за мою опрометчивость.

– Ты была права, мама.

От этих слов стало еще горше.

Но неужели наш король действительно одержим легендами и ищет тех, в ком осталась божественная сила? Тогда меня точно должны будут убрать, как и остальных самозванцев.

Ошейник непривычно натирал кожу при каждом движении головы. Не думаю, что раньше «посланники Небес» носили их, будто рабы.

Ноги стали замерзать на холодном каменном полу, а избитое тело ныло. До завтра мне отсюда точно не выйти, а жалеть себя можно долго. Я подошел к столу и потушил лампу. Комната погрузилась в темноту, но сейчас мне это понравилось. Не расстилая постель, я в одежде забрался под покрывало. Оно показалось мне достаточно теплым, чтобы не замерзнуть. Несмотря на жару на улице, в комнате оказалось довольно прохладно.

Я так старался не думать ни о чем, что не заметил, как провалился в сон.

Громкий стук в дверь заставил очнуться. Я резко открыл глаза и сел в кровати. Мышцы живота свело судорогой, голова немного кружилась. Заскользив взглядом по комнате, я вспоминал события вчерашнего дня. Скользкий и холодный ужас стал пробираться под кожу. В окно светило солнце, но меня бил озноб. Это был не мой дом.

Внезапно дверь, не дождавшись, пока ее откроют, резко распахнулась. На пороге стоял тот самый длинноволосый мужчина. Теперь я мог его рассмотреть получше. Удивительные иссиня-черные волосы были завязаны в низкий хвост, черты лица – тонкие и изящные, а узкие губы искривила недовольная ухмылка. Серо-голубые глаза напоминали талую воду. Он не производил впечатления человека, любящего солнце или физический труд. Темно-синяя мантия подчеркивала его аристократическую бледность, из-под накидки выглядывали жилет и подол туники. Мрачные тона одежды разбавляла только искусная вышивка, подобной которой я в жизни не видел. Она выглядела настолько сложно, дорого и безумно красиво, что я не мог оторвать от нее глаз.

– Не заставляй меня ждать, ты не на отдыхе находишься. – Он изящно сложил руки на груди и окинул комнату презрительным взглядом. – Я – Алеисте?р, советник Его Величества. А ты кто будешь? Сколько тебе лет и откуда ты?

Выйдя из оцепенения, я буквально слетел с кровати и неуклюже поклонился.

– Я – Этан. Мне семнадцать и…

– Семнадцать?! – В голосе советника прозвучало неподдельное удивление. – Ты выглядишь старше.

Я вздохнул и выпрямился.

– В конце лета будет восемнадцать. Это правда.

– Ну-ну, пусть так. Жена? Дети?

Я отрицательно мотнул головой.

– Даже возлюбленной нет?

В мыслях всплыла хрупкая Миха, но я не мог назвать ее своей возлюбленной. Можно ли мне было вообще так о ней думать?

– Замечательно. – Он еще раз внимательно прошелся по мне взглядом. – Ты знаешь, кто ты и зачем здесь?

Я покачал головой, но опомнившись, поспешно ответил:

– Вчера мне сказали, что я – Словотворец короля.

Мне хотелось добавить, мол, это ошибка и я буду молчать о том, что видел, лишь бы меня отпустили домой, но вовремя прикусил язык. За такое могли сразу отправить в темницу.

– Не ты заявил, а тебе сказали? – Советник удивленно округлил глаза, в них плескалось полное непонимание. – Ты хоть понимаешь, где находишься?

– Во… дворце?.. – неуверенно ответил я.

Мужчина изменился в лице.

– Значит, не добровольно… – Он выдержал паузу и продолжил: – Сейчас это не имеет значения. Тебя доставили сюда именно как Словотворца. От тебя требуется полное послушание. Из дворца не выходить. Естественно, с семьей не встречаться. Даже не пытаться написать им или передать что-то. Рта без разрешения не раскрывать. Связи не заводить, только если король разрешит. Но это не твой случай. На данный момент все должно быть именно так. Делай, что прикажут, и не задавай вопросов. Дальше увидим, на что ты способен. Сегодня приведи себя в порядок, отмойся и переоденься. Охранник за дверью тебе покажет, что и где. Потом просто жди.

Советник развернулся и вышел из комнаты, но, чуть помедлив, обронил:

– Кажется, я знаю, как ты сюда попал. Видно, все Боги разом от тебя отвернулись.

Дверь хлопнула, и я вздрогнул. Странные слова советника еще звучали в голове. Но в любом случае дороги назад не было. В который раз вздохнув, я решил последовать его указаниям. Открыв сундук, я обнаружил там стопки чистой одежды и выбрал ту, что лежала сверху. Потом осторожно выглянул из комнаты: за дверью стоял охранник. Он был чуть меньше вчерашнего, но выглядел более устрашающим. Его лицо обезобразил шрам, который тянулся от скулы до подбородка. Мужчина заметил, что я в открытую его разглядываю, и нахмурил густые черные брови. Я уже было передумал выходить из комнаты сегодня, как вдруг услышал голос:

– Ирхо?н! Не пугай так мальчишку!

По коридору к нам приближался мой вчерашний провожатый. Увидев меня, он широко улыбнулся и подмигнул.

При его появлении Ирхон вытянулся и еще сильнее расправил плечи.

– Я и не думал его пугать, заместитель капитана. Я лишь следил за ним.

Джеральд хлопнул его по плечу. И я подумал, а не вывихнул ли он ему сустав.

– Да не волнуйся ты так, можешь идти. Я подменю тебя.

– Но… вы уверены? Господин Алеистер приставил меня следить за мальчишкой.

Ирхон покосился на меня. Наверное, я представлял собой забавное зрелище – здоровый парень, который трусливо прятался за дверью.

– Ты хочешь ослушаться заместителя капитана личной охраны Его Величества? – Мужчина навис над ним, словно гора.

– Н-но… приказ…

– Мне отдал приказ Его Величество Бардоулф. Или ты хочешь лично это проверить?

Ирхон побледнел и поспешил ретироваться. Джеральд широко улыбнулся.

– Так-то лучше. – Он посмотрел на меня. – А ну, не прячься, а то мне придется силой отдирать тебя от несчастной двери. Если понадобится, то я унесу тебя вместе с ней.

Дальше оставаться в своем укрытии было глупо, и я, стараясь не выглядеть совсем испуганным, вышел в коридор.

– Мне следует представиться, как того обязывает положение? – Он ждал моего ответа.

– Не… не следует. Я все слышал.

– Вот и отлично, можешь называть меня Джеральд или Джер, но только когда рядом никого нет. А ты? Представиться не хочешь?

– Этан.

Он удивленно приподнял брови.

– Просто Этан.

С этими словами я протянул ему руку и запоздало понял, что, скорее всего, здесь не принято так знакомиться. Джеральд чуть помедлил, но ответил на рукопожатие. В его карих глазах блеснули огоньки.

– Ну что же, Просто Этан, по приказу Его Величества я буду всюду сопровождать тебя. Куда желаешь пойти?

Я пожал плечами:

– А мне разве есть из чего выбирать?

Джеральд хохотнул и пригладил свои короткие темно-русые волосы.

– Относительно. Купальня, малая библиотека, левое крыло, в котором это все как раз и находится.

Не густо. Но меня хотя бы не держали взаперти в комнате.

– Тогда купальня, – кивнул я на одежду у себя в руках.

Никогда не думал, что простая прогулка по одному лишь крылу может оказаться такой утомительной. Но зато после купальни я скрипел от чистоты и был одет в подобающую этому месту одежду – свободные штаны из приятной плотной ткани, которые сужались книзу, и кожаные ботинки. Поверх голубоватой рубашки с золотистой вышивкой на манжетах я накинул удлиненную жилетку с изумрудным подкладом. В этом дорогом наряде я чувствовал себя неуютно и чужеродно.

Вернувшись в комнату, я обнаружил на столе поднос с едой. Но, даже несмотря на голод, смог подумать лишь об одном: даже есть придется только здесь. Хотя долго ли я тут пробуду?

Устало вздохнув, я принялся за еду. Это было самое вкусное из того, что мне довелось когда-либо пробовать. На подносе лежал нарезанный свежий хлеб из

отличной муки. Я достаточно проработал у тети, чтобы научиться различать ее сорта. А еще знал, из какой муки следовало выпекать сладкие булки, а из какой – пресные лепешки. Мука высшего сорта поставлялась лишь во дворец. И сейчас я ел сдобу именно из нее – воздушную, мягкую, от ее аромата рот наполнялся слюной. Основным блюдом было мясо с овощами. Конечно же, лучшего качества. Даже простой морс из ягод оказался намного вкуснее, чем в наших тавернах. Вот что значило жить во дворце.

Быстро расправившись с завтраком, я стал ждать. Через некоторое время, недостаточное для того, чтобы я мог погрузиться в себя, дверь без стука распахнулась. В комнату зашли Джеральд и еще один незнакомый стражник. Я без слов понял, зачем они здесь, поэтому молча последовал за ними.

Мы шагали по длинным коридорам, удаляясь от левого крыла. Коридоры были такими однотипными, что я поразился – как стражники вообще в них ориентируются? Менялись только переходы. Они, словно красочные пятачки, впечатывались в серые стены. Все попавшиеся на пути оказались украшены красиво расшитыми гобеленами, портретами, в каждом стояла обитая мягкой тканью скамья, а на полу лежал ковер. А потом тебя вновь обступали одинаковые, серые стены.

Я потерял счет времени, сколько мы прошли лестниц и коридоров, когда наконец меня подвели к массивным резным дверям. Джеральд легко толкнул их перед собой, словно для него они были пушинкой, и, сделав шаг вперед, громко объявил:

– По вашему приказу я привел кандидата на звание Словотворца!

Он развернулся и, дождавшись пока я зайду, закрыл за мной двери.

Как и вчера, в комнате царил полумрак. Но теперь не из-за того, что наступила ночь. Солнечный свет не проходил сквозь окна – их наглухо закрыли и еще занавесили тяжелыми портьерами. Факелы и лампы освещали только то место, где я стоял, поэтому разглядеть можно было только чьи-то силуэты. Один из них отделился от стены и стал приближаться ко мне. Как только он вошел в круг света, я узнал в нем советника.

– Ты можешь прочитать это? – Он протянул мне свиток.

Я осторожно взял его в руки. Бумага оказалась старой и неприятной на ощупь. Как можно бережнее я развернул его. Вглядевшись в слова, я чуть не выругался от досады. В свитке были те же надписи на старом наречии, что и на той проклятой бумажке старика. Они отличались лишь аккуратностью. Наверное, старику дали копию, причем не очень умелую. Я опустил свиток.

– Господин Алеистер, если вы хотите, то я могу это прочесть. Но смысла здесь нет никакого.

– Как нет смысла? Да он нам врет! Просто прочитать не может, – раздался из тени противный дребезжащий голос.

– Ну полно вам, мальчик еще даже ничего не пояснил, а вы уже рубите без топора, – прервал его голос звучный и глубокий.

Похоже, там что-то обсуждали. Я посмотрел на советника: тот лишь едва заметно скривился и продолжил:

– Меня волнует не смысл, а то, можешь ли ты это прочитать.

– Могу.

– А записать то, что прочитаешь?

– Думаю, что тоже смогу.

Конечно, в этом я был не так уверен, все-таки перо в руках я не держал уже долгие годы.

– Тогда приступай.

Алеистер указал на небольшой столик возле стены. На нем горела лампа и лежали принадлежности для письма.

– Не заставляй нас ждать.

Я сел за неудобный для моих габаритов стол и, придерживая развернутый свиток рукой, стал переписывать одни и те же слова, стараясь, чтобы пальцы не сильно дрожали. Я искренне не понимал, для чего этим странным людям нужно, чтобы я мог это прочитать и записать. Ведь каждый, кто обучен грамоте, может разобраться в старом наречии. Оно не так сильно отличается от современного языка. Но положение было не тем, чтобы высказывать свое мнение.

Переписывая слова, я неожиданно для себя обнаружил некую закономерность. Они повторялись, но при этом, складываясь в прямоугольную спираль, сходились на одном слове. И каждое последующее будто дополняло предыдущее, выходя из него. Закончив писать, я протянул свиток и лист советнику. Он внимательно посмотрел на мою работу и изумленно поднял тонкие брови.

– Господа, думаю, мне есть чем вас удивить. А ты можешь возвращаться в свою комнату.

Встав, я быстро поклонился и поспешил покинуть это странное место. Интересно, меня будут водить только по тайным обществам?

Увидев мое появление, стражники, не сговариваясь, тут же двинулись вперед. И опять я шел по одинаковым коридорам, даже не надеясь запомнить дорогу.

Остаток дня был ничем не примечателен. А чтобы хоть как-то скрасить ожидание и выйти из комнаты, требовалась простая смелость. И вот ее мне не хватало. Со стыдом я в очередной раз понял, что даже не попытался что-то узнать про свою семью. В моем положении не приходилось на многое рассчитывать, но, может, была хоть маленькая возможность передать им весточку.

Комната постепенно погружалась в темноту, и я зажег лампу. Пододвинув стул к окну и завернувшись в покрывало, я удобно устроился и уставился в небо. Было уже достаточно прохладно, но это заставило только сильнее кутаться в теплую ткань. Спать не хотелось совершенно. Дома я привык засыпать после тяжелого труда. Здесь же я просто сидел и ждал. Это выматывало эмоционально, но не

физически.

Возможно, я все-таки слегка задремал, потому что резкий грохот от распахнувшейся двери заставил меня вскочить на ноги. В комнату, без лишних церемоний, вошел советник. За ним стояли несколько слуг. В руках они держали книги, свертки и письменные принадлежности. Алеистер указал им на стол, и они один за другим сложили все на него, потом поклонились и вышли. Я изумленно смотрел на образовавшуюся кучу бумаги, чернил и перьев.

– Запиши все, что поймешь. Каждый вечер у тебя будут забирать то, что ты успел сделать.

Советник даже не стал дожидаться моего ответа и просто удалился так же неожиданно, как и появился. Я не глядя опустился на стул и, слегка промахнувшись, тяжело грохнулся на пол. Покрывало запуталось в ногах, не давая подняться. Дверь тихо отворилась, и в проеме показалась голова Джеральда. Он настороженно оглядел комнату. Когда он заметил меня на полу, его глаза округлились, а на лице появилась широкая улыбка. По нему было заметно, что он сдерживается изо всех сил, чтобы не рассмеяться.

– Да ну вас, – обиженно пробормотал я.

Джеральд улыбнулся еще шире и скрылся за дверью. Я со второй попытки распутал покрывало и бросил его на кровать. Подойдя к столу, взял верхнюю книгу. Она была практически такой же старой, как и свиток, который мне давали ранее. Язык в ней оказался тем же. Все последующие книги были похожи.

Насколько я успел заметить, в первой упоминалось о воде, в той же, которую я держал в руках, повествование шло о растениях и земле. Зачем им все это нужно? Даже если предположить, хотя бы на секунду, что я предполагаемый Словотворец, то все равно эти книги не имели никакого смысла. И переводить слова со старого языка на новый тоже казалось довольно бестолковым.

По правде говоря, я даже не представлял, как должны действовать избранные или как работала их сила. В писаниях говорилось про благословение Небес, которое они получали в наследие от спустившегося к ним Бога: избавление от многих болезней, обильный урожай, сильное потомство, магия слова. Но как это работало на самом деле? Может, в этих книгах они хотели найти ответы на свои

вопросы? Но это можно было сделать и без меня. В голове все запуталось. Не привык я рассуждать на такие темы.

Я бездумно перебирал книги, пока не остановился на одной из них. Не такая большая, как остальные, менее приметная, она притянула мое внимание. Корешок был очень потрепанным, и буквы на обложке совсем стерлись. Несмотря на это, книга ощущалась будто бы теплой и знакомой. Я осторожно открыл первые страницы. Сначала мне показалось, будто я не понимаю написанного, но, приглядевшись, я осознал, что прекрасно знаю практически все буквы. Слова однозначно были такими же, как и в других книгах, но стиль их написания мог запутать – завитки на них ставились немного непривычно. С этой книгой придется повозиться, чтобы разобрать весь текст. Я вспомнил, как отец учил меня отличать буквы по малейшим изгибам и никогда не путать с похожими наречиями других стран. Вот бы сейчас мне его книгу, которая потерялась и теперь, скорее всего, гнила в какой-нибудь яме. Винить за все можно было только себя.

Утром я проснулся с первыми лучами солнца. Всю ночь меня мучили странные сны, но о чем они были, я уже не мог вспомнить. Осталось только липкое ощущение, от которого хотелось отмыться.

Я скинул с себя одеяло и, собрав вчерашнюю одежду, решил выйти из своего убежища. За дверью стоял новый охранник – молодой парень, на вид мой ровесник или немного старше. Заметив мое осторожное появление, он расправил плечи и быстро произнес:

– Ми?ло Берг по приказу лорда Джеральда Ва?льтерсона направлен, чтобы сопровождать вас.

Он так волновался, тщательно выговаривая каждое слово, что это показалось мне забавным. Внезапно мои страхи отступили – не только я чувствовал себя здесь не к месту. Я оглядел Мило. Он был практически одного со мной телосложения и роста, может, чуть ниже и худее. Светлые волосы непослушными вихрами ложились на лоб. Бледно-голубые глаза выжидательно

смотрели на меня, он весь напрягся как пружина. Я попытался улыбнуться.

– Этан. Приятно познакомиться с вами, Мило Берг. – Руку в этот раз я предусмотрительно не протянул. – Мне хотелось бы ополоснуться.

Парень заметно расслабился.

– Прошу вас следовать за мной.

Я задумался: фамилии Берг и Вальтерсон явно имели свои корни не в Дартелии. Они более походили на танморовские. А если внимательно посмотреть на Джеральда и Мило, то их можно было назвать выходцами из северных народов. Хотя цвет глаз и волос заместителя капитана явно выдавали примесь дартелийской крови. Северяне на фоне мужчин Дартелии казались гигантами. Я слышал, что раньше их очень любили нанимать в наши войска. Но после многих лет войны и кровопролития они стали скорее диковинкой среди нас. Насколько глупо было бы с моей стороны спросить Мило об этом? Но идя за ним и видя, как он старается все сделать правильно, я решился:

– Господин Берг…

– Г-г-господин! – Парень резко остановился и развернулся, смущенно подняв руку в защищающемся жесте. – Ко мне не обращаются «господин», мне по статусу не положено.

– Тогда как же мне вас называть? – Я склонил голову набок; оказывается, мне понравилось вот так слегка подтрунивать над ним. – Уважаемый Мило Берг или…

Я не успел закончить, как меня спешно прервали:

– Мило, можно просто Мило. Или по фамилии – Берг.

Парень выглядел немного расстроенным. Я мысленно пнул себя за это: он был ни в чем не виноват, а я стоял и подшучивал над его добропорядочностью.

– Значит, Мило. Замечательно.

Я постарался улыбнуться, как Джеральд, – широко и непринужденно. Не знаю, насколько у меня это вышло, но парень ответил мне тем же. На его щеках образовались ямочки. Да что же он забыл в этом жутком месте? Ему бы не мечом размахивать, а быть при родителях, помогать им, а потом найти себе хорошую девушку и жениться на радость старикам.

– Мило, можно я задам вопрос? Если тебе запрещено, то не отвечай.

Он осторожно кивнул.

– Ваши фамилии – Берг и Вальтерсон. Вы, случайно, не из Танмора?

– Не совсем. Господин Джеральд из знатного рода мечников, они живут недалеко от границ Танмора. Отец у него из северной знати, а матушка дартелийка. Я же чистокровный танморовец, но моя семья не живет там. Лорд Бе?рнайс Вальтерсон помог нам перебраться в Дартелию.

Так вот в чем было дело. Теперь понятно, почему меня изначально смутила фамилия Джеральда. Сейчас я вспомнил, что род Вальтерсон славился тем, что в нем рождались мальчики с сильными генами предков. Первенцы оставались при отце для передачи наследства, а последующие сыновья всегда шли только в личную охрану короля, проходя усиленные тренировки с раннего детства. А Мило, вероятно, просто решил пойти по стопам того, кем восхищался. Я не мог рассуждать о том, насколько это было правильно. В конце концов, я тоже когда-то мечтал стать таким, как мой отец.

Вернувшись в комнату, я скорее учуял, чем увидел еду. Интересно, слуги всегда подгадывают, чтобы меня здесь не было, или это просто совпадение? Поскольку стол оказался погребен под книгами, поднос с блюдами поставили на уже заправленную кровать. Слюна наполнила мой рот, и я буквально набросился на вкуснейшую пищу. В этот момент моя жизнь стала чуточку лучше.

Насытившись и аккуратно сложив тарелки на поднос, я принялся за работу, ожидая нудного и нескончаемого переписывания. Но чем глубже я погружался в мир букв, тем больше все приобретало краски. Меня обволакивала водная гладь, она нашептывала слова, которые моя рука сама по себе писала и писала. Я не

хотел останавливаться. Тихая вода сменилась дождем, и он рассказывал свои неповторимые истории. Мне было просто необходимо во что бы то ни стало запомнить их все. Они лились на меня нескончаемым потоком, переходя в монотонное журчание. Капли стихли и превратились в тонкий ручеек, который мелодично напевал о своем. И это тоже казалось безумно важным. Я жаждал каждого изменения, каждого нового слова и сам хотел быть этим словом. Но мне чего-то не хватало, будто слова не договаривали самого главного, и оно ускользало, оставляя меня ни с чем. Пустота снова наполнила меня противным серым болотом.

Я очнулся только тогда, когда перевернул последнюю страницу. Дыхание сбилось, как после бега. Пот капельками стекал по лицу. Когда я успел так устать? Передо мной лежала большая стопка исписанной бумаги. Пальцы судорожно сжимали перо и оказались перепачканы чернилами. Попытка расслабить их провалилась, и руку свело судорогой. Я стал усиленно разминать ее, не обращая внимания на боль. Такое случалось и раньше, но уж точно не от того, что я просто сидел и писал.

Комната окрасилась в оранжево-красные оттенки. Я провел за книгой весь день и даже не заметил?

Боль отступила, и уже можно было осторожно расслабить мышцы. На столе лежал лоскут ткани, и я попытался им оттереть пальцы, но чернила уже въелись в кожу. Устало отбросив ткань, я откинулся на спинку стула. Тело немного онемело, а голова кружилась. Как будто книга высосала из меня частичку жизни. Я осторожно покосился на старые томики, представляя, что если мои мысли окажутся правдой, то недолго мне осталось.

Бред. Как книги могут высасывать жизнь? Я улыбнулся своим странным мыслям.

О Боги, ведь сейчас все в точности походило на приступ!

От осознания произошедшего капельки пота, стекавшие по позвоночнику, стали холодными. Я даже не сразу понял, что со мной было, – приступы случались не слишком часто и не проходили так ярко. Обычно я мог выпасть из жизни на несколько минут, но точно не на целый день. Тревога медленно завладевала мной.

Вдруг раздался грохот – распахнувшаяся дверь врезалась в стену. Так ко мне заходил только советник. Нахлынувшая паника забралась обратно в свое гнездо, и сейчас я был благодарен за внезапное появление этого человека. Помня о головокружении, я осторожно поднялся на ноги и поклонился:

– Господин советник.

Меня проигнорировали и обратили все внимание на стол. Советник обхватил своими тонкими пальцами сразу всю стопку, исписанную мной. Я даже удивился, как легко он это сделал, ведь весила она немало. Советник без труда удерживал листы одной рукой, другой же быстро их перебирал, бегло просматривая. Нахмурив брови, он удостоил меня вниманием:

– Ты это все сделал сегодня?

Я кивнул. От напряжения его лоб покрыли морщинки. Я не понимал, хорошо это или плохо, и на всякий случай указал на книгу:

– Я успел переписать только ее.

Алеистер цепко схватил мою испачканную чернилами руку. Он разглядывал ее, вертя в разные стороны, и, наконец отпустив, сказал:

– Я вижу. – Он вновь посмотрел на меня и добавил: – Тебе стоит привести себя в порядок. Иди. Рукописи я забираю. Завтра приду за следующими.

– Мне же можно пользоваться библиотекой?

Я еще побаивался этого холодного человека, но надо признать – плохого он мне ничего не делал.

– Если нужно, то да. Только в сопровождении стражи.

Советник поудобнее обхватил стопку листов и сверху положил книгу, которую я переписывал. Он был уже на пороге комнаты, когда, оглянувшись, сказал:

– Хорошая работа.

Дверь захлопнулась, а я не мог поверить в произошедшее. Меня похвалили, наверное, впервые за последние годы, и это было непередаваемое чувство! Я забыл про все страхи и просто радовался. Меня похвалили именно за то, что я всегда скрывал, за то, что мама ненавидела во мне больше всего. Пусть глупо, но я ощущал себя немножко счастливым.

Я умылся холодной водой и почувствовал прилив сил. Ужин ждал меня, как и завтрак, на кровати. Значит, все-таки слуги приносят еду только в мое отсутствие. На столе стояли новые пузырьки с чернилами, перья, чистые листы и дополнительная лампа. Все для того, чтобы можно было продолжать работать. Я решил не думать над тем, зачем им это нужно. Возможно, скоро настанет тот день, когда мне повстречается книга, которую не смогу переписать, и тогда меня заменят. Но это будет точно не сегодня и не с ближайшими пятью книгами. Мысли о приступе я тоже решил оставить на потом, ведь ничего страшного не произошло. Конечно, я не мог назвать это место домом, но меня тут хотя бы никто не называл никчемным и ущербным. Даже позорный ошейник воспринимался как простая прихоть короля, не значащая ничего. Я отбросил все мысли и быстро провалился в такой желанный сон.

Утром меня переполняли силы. Уже не боясь, я вышел из своего укрытия и с удивлением обнаружил на месте охранника Джеральда. Он вольготно привалился спиной к стене, сложив свои огромные руки на груди и скрестив ноги. Я улыбнулся: почему-то вид этого великана меня обрадовал.

– Не ожидал тебя… вас здесь увидеть.

Я все еще сомневался, как мне стоит обращаться к нему – тем более теперь, когда я знал статус его семьи. Если бы мы были в городе, то я не посмел бы даже голову поднять в его присутствии.

Он понял мою заминку и улыбнулся.

– Кроме нас, здесь никого нет, Этан.

Услышав это, я вздрогнул: только Джеральд звал меня в этих стенах по имени.

– Это самое заброшенное и пустое крыло из всех. Можешь не беспокоиться и обращаться ко мне на ты. Сегодня у нас прогулка в малую библиотеку, так?

Он потянулся, оторвался от стены и пошел по коридору. Я привычно пристроился позади.

– Тебе никогда не говорили, что…

– Мои родители из Дартелии. – На такие фразы я отвечал заученной фразой, поскольку слышал их чаще, чем хотелось бы.

Джеральд удивленно остановился.

– Вообще-то я хотел сказать, что ты слишком молчалив. Но приму к сведению, что твои родители из этой страны.

Мне хотелось застонать от собственной несообразительности. С чего я вообще взял, что он спросит про мой внешний вид?

– Я не совсем понимаю, как себя вести. – И это было чистой правдой.

Джеральд ничего не ответил.

Библиотекой оказалось огромное помещение. От пола до потолка вдоль всех стен располагались книжные шкафы, прерывавшиеся на редкие ниши под лампы для освещения. Также они стояли посередине, образовывая некое подобие книжного лабиринта. С первого взгляда сложно было понять, насколько глубоко внутрь он уходил и каких размеров достигала комната.

Запах стоял тяжелый, воздух пропитался пылью и стареющим пергаментом. Многим бы это место показалось мрачным, но не мне. Я готов был набрать кучу книг и, окопавшись в каком-нибудь уголке, не выходить оттуда по возможности никогда. Библиотека стала бы моей страной сказок, в которой я всегда мечтал очутиться, и сейчас мне не хватало лишь одного – сделать шаг вперед.

С дико колотящимся сердцем я осторожно переступил порог. От изобилия книг глаза разбегались, а первоначальная цель просто забылась.

– Я, конечно, не разделяю твоей радости, но у тебя не так много времени. Господин Алеистер будет недоволен, если ты не выполнишь его поручение. А его лучше не злить.

Я с удивлением обнаружил, что Джеральд все это время стоял у меня за спиной.

– Да… да, я знаю, просто… это невероятно, понимаешь?

– Не понимаю, – ответил он честно. – Никогда не любил все это. До сих пор как вспомню уроки по грамотности, так в дрожь бросает.

Почему-то его незначительное признание меня обрадовало, и я рассмеялся. Значит, даже потомки знатного рода иногда делают то, чего им не хочется.

– Мне бы твое несчастье, и я был бы самым счастливым ребенком.

Он подозрительно покосился на меня.

– Но ведь ты обучен грамоте, и обычно сюда не… – Джеральд резко замолчал. – Не важно, поторапливайся.

Я не стал пытаться расспрашивать его, понимая, что это бесполезно. Здесь никто ничего не объяснял. Но это уже не казалось важным – я попал в свою стихию. Осторожно обойдя стройные ряды полок, я осознал, что понадобится немало времени, чтобы найти здесь то, что нужно. Но все равно: уйти с пустыми руками означало для меня проиграть.

Я упорно пробегал глазами по корешкам, выискивая закономерность и заходя все дальше и дальше. Кончики пальцев осторожно скользили по краешкам книг, иногда замирая на какой-нибудь из них. Меня интересовали они все, но требовалась лишь одна.

Из задумчивого состояния меня вывела рука, опустившаяся на плечо, будто мешок с мукой. Джеральд стоял рядом: он взял какую-то книгу и, впихнув ее

мне, повел на выход.

– Я понимаю, как, наверное, это здорово для тебя, но даже мне не поздоровится, если ты целый день будешь бродить здесь, словно сумасшедший.

– Я правда так выглядел?

Джеральд улыбнулся.

– Глаза блестели, ты никого не замечал, рот приоткрылся, только стекающей слюны не хватало.

– Фу-у-у, гадость какая.

Мы переглянулись и одновременно засмеялись.

В комнате я глотал остывшую пищу, практически не пережевывая и не ощущая вкуса. Мне быстрее хотелось вновь окунуться в тот мир, который не хотел меня отпускать. Я подавился и закашлялся, слезы выступили на глазах. Именно в этот момент я изо всех сил пожелал, чтобы это место стало моим домом. И неважно, что я целыми днями бы сидел и переписывал книги, неважно, что мой мир был бы размером с эту комнату. Просто сейчас я чувствовал себя хорошо.

Маленький червячок сомнения стал копошиться внутри, напоминая об оставленных родных, и я пообещал себе попытаться узнать что-нибудь у Джеральда. Пока это был единственный человек, который внушал мне доверие.

Выпив травяного чая, я принялся за работу. Глаза погрузились в текст, рука замерла над листом. Знакомое чувство стало поглощать меня. Стены качнулись, и уже через мгновение я оказался окружен бескрайним полем. Трава приятно щекотала ноги и шептала, шептала. Выросшие на глазах деревья клонили ко мне ветви и скрипели, рассказывая свои истории. Цветы распускались прямо в руках, рассыпались лепестками и расцветали снова, торопясь поведать о своем. И каждый из них стремился договорить, норовя перебить другого. Я хотел спросить их о чем-то, но лишь беззвучно открывал рот. Их знания заполняли меня, пока во мне больше не осталось места. Но даже тогда я не мог понять их

историй, а они разочарованно покидали меня, вновь оставляя с пустотой внутри.

Все растворилось так же быстро, как и началось. Я очнулся за столом, тяжело дыша, но сегодня не ощущал такой оглушающей усталости. Воодушевление моментально пропало, когда пришло осознание, что в комнате был кто-то еще. Осторожно повернувшись, я уткнулся взглядом в советника. Тот стоял и просто наблюдал за мной. Комнату освещали только лампы на столе. Их зажег советник? И как давно он здесь? Он видел приступ?

Я попытался встать, но Алеистер махнул рукой.

– Простите, сегодня я задержался.

– Ты всегда так уходишь с головой в книги, что даже не слышишь ничего вокруг?

Я шумно сглотнул. Именно из-за этого моя мать запретила мне приближаться к книгам. Она сказала, что это болезнь, которую невозможно вылечить, и взяла с меня обещание не прикасаться к книгам. Она предупреждала, что если кто-нибудь это увидит, то меня могут забрать или покалечить. Но сейчас ее не было рядом, а угроза смерти висела надо мной уже несколько дней.

– Сколько себя помню, с самого детства.

– Позволишь взглянуть?

Советник протянул руку и я, собрав все листы, отдал их ему.

Подойдя ближе к лампам, он погрузился в изучение. Потом, удовлетворенно хмыкнув, положил их на стол. Его рука скользнула в складки плаща, что-то ища. Он достал небольшой свиток и развернул его на столе, придерживая пальцами.

– Что скажешь насчет него? Можешь прочитать?

Я внимательно всмотрелся.

– Сложно разобрать, здесь такой же стиль письма, как и в этой книге. – Я вытянул из стопки маленький томик и раскрыл его, показывая одинаковое

написание. – Поэтому я и решил поискать в библиотеке. Многие буквы мне кажутся знакомыми, но некоторые путают, словно не дают прочитать.

Алеистер свернул свиток и спрятал его в складках одежды.

– Боюсь, в этой библиотеке ты не найдешь того, что ищешь.

Я задумчиво провел рукой по страницам.

– Мне бы записи отца, там точно были подобные символы.

Советник выжидательно смотрел на меня.

– Понимаете, когда меня сюда эм… привели, у меня в заплечном мешке была потрепанная книжка… – Я сбивчиво пытался все объяснить. – Эта книга моего отца, я всегда носил ее с собой. Но она потерялась, наверное, по дороге. А там были записи.

К концу моя речь стала и вовсе невнятной.

Глаза советника сузились.

– Так, значит, говоришь, отца твоего книга?

Я кивнул.

– Ну что ж. Чего нет, того нет. Я заберу твою работу. Мой совет тебе, мальчик: прежде чем рассказать или сделать что-то, подумай, кто перед тобой стоит и чем могут обернуться твои слова.

На этот раз его уход оставил неприятный осадок. Вот так легко, всего лишь одной фразой, можно было разрушить что-то хрупкое.

Я продолжал сидеть за столом, даже когда лампы потухли, даже когда холод стал пробираться под одежду. Мне просто не хотелось двигаться.

Сколько так прошло времени, я не знал. Наконец настойчивый стук в дверь заставил меня выплыть из этого состояния. Он все продолжался, становясь громче. Подозревая, что стук не прекратится, пока не откроется эта проклятая дверь, я поднялся на ноги. Но не успел даже протянуть руку, как дверь резко распахнулась и чуть не ударила меня. В коридоре стоял Джеральд.

– Ты не спал? – Он прищурился, привыкая к темноте.

– Нет.

– Еще лучше. – Джеральд кинул мне в руки плащ. – Быстро надевай.

Меня не удивило, что за мной пришли ночью и одели в плащ с капюшоном, заставив закрыть лицо. Даже если спросить, мне все равно никто не ответит. Поэтому я только вздохнул и отправился по мрачным коридорам за Джеральдом. Однако по пути я отметил, что меня ведут в другое место – знакомых переходов не было.

Когда мы вышли в огромный, ярко освещенный коридор, где через каждые несколько метров стояла стража, я всерьез запаниковал. Здесь было много арок, украшенных гобеленами с изображением герба Дартелии – трехглавого волка, центральная голова которого выделялась на фоне остальных. Потолки оказались настолько высокими, словно тут ходили дети великанов. Под ногами шуршал иссиня-черный ковер с серебристыми узорами.

Мы шли все дальше и дальше, пока не остановились возле огромных резных дверей. На них была вырезана сцена из легенды про нашу страну. Статный мужчина сжимал меч, а возле него стоял огромный волк. На них с неба падали сотни звезд.

Джеральд навалился на одну створку и, приоткрыв дверь, кивнул мне. Я растерянно протиснулся внутрь. После светлого коридора в комнате был практически сумрак. В отдалении горели лишь две лампы, и их явно не хватало, чтобы осветить все помещение. Глаза слишком медленно привыкали к темноте.

В глубине комнаты что-то зашевелилось. До меня доносились обрывки чьих-то перешептываний, но это длилось недолго. Недовольный и знакомый голос прорезал тишину:

– Ваше Величество, это безрассудно, я одобрил его приход сюда, но не более…

– Когда это я нуждался в чьем-либо одобрении, Алеистер? Не забывайтесь! Устраивайте свои игры Совету.

До меня стал доходить смысл сказанного. Его Величество! Сейчас я находился в одних покоях с королем Дартелии, и он был так близко от меня! Я одновременно хотел умереть на месте от страха и сгорал от желания увидеть его. Не то чтобы король никогда не появлялся перед народом, но это не то же самое, что встретиться с ним лично.

– Ты считаешь, что он расскажет? Кому? Книжкам? Он же целыми сутками в комнате сидит. Да он за все три дня ни одного вопроса не задал. Даже наш болтливый Вальтерсон его не разговорил.

Я осознал, что первый раз слышу голос короля. Он звучал очень странно.

– Ваше Величество, он же все слышит и стоит, между прочим, в этой же комнате.

– Вот! – воскликнул король. – Я об этом и говорю тебе. Он даже сейчас молчит. Вы его завалили книгами, а он и рад. Говорю тебе, Алеистер, хоть какой-то вариант лучше, чем совсем никакого. И надо действовать сейчас.

– Будь по-вашему, мой король, но я против всего этого.

Советник повернулся ко мне и гаркнул:

– Все, что ты здесь увидишь, останется лишь в этих стенах! Если ты посмеешь ослушаться, на плаху ляжет не только твоя голова, но и головы всей твоей семьи.

Я, судорожно вздохнув, кивнул. Мне это совсем не нравилось.

Тем временем советник зажег еще лампы и свечи, и в комнате стало очень светло. Теперь я мог разглядеть помещение, в котором находился. Огромная спальня – да, это была именно она, около стены стояло большое ложе с

балдахином. В противоположной стороне возле стола расположилось кресло, повернутое ко мне высокой спинкой. Рядом с ним, опершись на стол, стоял советник. Он выглядел недовольным, но бодрым и безупречно собранным, несмотря на ночное время. Мне даже подумалось, что он вообще не спит.

– Скажи, мальчик, что ты знаешь про короля Дартелии?

Я растерялся.

– Его Величество Бардоулф взошел на трон в юном возрасте, после того как его предшественника убили… – Я замолчал.

– Это все?

– Еще говорили, что на него возлагаются особые надежды, поскольку он единственный прошел ритуал признания Богами, снискав их благословение. Первое за сотню лет.

– Хм, допустим. А что ты скажешь про себя?

Мне было непривычно разговаривать со спинкой кресла, советник же просто наблюдал, не вмешиваясь.

– Я Этан.

– Из какого ты рода, Этан?

– Ни из какого.

– Странно, у тебя же есть семья.

– Мой отец умер, он был моей семьей.

Я сказал это не подумав, но теперь понял, что всегда считал только так. Да, я по-своему любил маму, хотя, скорее, был ей просто благодарен. Но простить то, как она с легкостью отказалась от воспоминаний об отце и как заставила меня

скрывать ото всех связь с ним, я не смог.

– И это все? Ты просто Этан, мальчик без рода. Больше ничего не хочешь добавить?

– Нет, Ваше Величество. Мне нечего добавить.

– Странно, а как же то, что тебя привели сюда как Словотворца?

Я вздрогнул. Значит, время пришло.

– Так ты Словотворец, Этан, или считаешь себя таковым?

– Нет. – Я опустил голову, не имело смысла скрывать правду. – Я не знаю, почему здесь оказался. Я не должен был попасть сюда.

– Это точно, мальчик, не должен. А теперь забудь все, что знал и слышал обо мне, забудь то, кем ты был раньше.

Король поднялся из своего кресла и вышел из тени. Я видел его так близко в первый раз. От него веяло уверенностью, властью, силой. Это был достаточно молодой… мужчина? Нет, этого не могло быть.

Глава 3

– Я король Дартелии – Бардоулф. Удивлен, что твой король оказался женщиной? – На меня смотрели самые синие глаза, которые я видел в жизни.

Теперь, приглядевшись, я точно понял, что передо мной девушка – лишь немногим старше меня, с серебристо-белыми волосами и, без сомнения, женской фигурой. Сейчас это стало особенно заметно, поскольку легкая одежда подчеркивала формы. Нами правит женщина, наш король – это ДЕВУШКА.

Сказать, что мой мир рухнул, значит не сказать ничего. Нас всех годами обманывали. Как они смогли такое провернуть втайне ото всех? Нами не могла править женщина! Наша вера и законы запрещали это. Я чувствовал, как внутри все сжимается. Капли холодного пота скатывались за шиворот. Я застыл на месте. Мою кожу жег властный взгляд. Этому человеку ничего не стоило уничтожить и меня, и мою семью здесь и сейчас.

Все предыдущие правители Дартелии были кровожадными самодурами. Они казнили всех неугодных им, сгоняли красивых девочек и мальчиков к себе в покои. Развязывали бессмысленные войны. Это были жуткие годы. Именно тогда отец оставил нас в попытках заработать деньги. И именно тогда он умер. От воспоминаний начинало мутить. Слезы матери, беспомощность, войны, казни, голод, море крови. Пять лет назад предыдущий правитель скончался по неизвестным причинам. И, поскольку у него не было детей, трон занял незаконнорожденный сын предыдущего короля. Только его кровь приняли наши Боги.

Каждый наследник перед вступлением на трон должен был пройти ритуал. Он заключался в подношении чаши своей крови на алтарь основателя Дартелии. В нее погружали черный камень, оставшийся от первого Бога. Он обладал силой и благословлял ей наследника. Если на следующее утро находили в этой чаше ярко сияющий синий камень, то наследник считался признанным самим Небом. Все последние правители лишь пятнали силу камня своей кровью, получая черную драгоценность с кроваво-красными пятнами. Все говорило об угасании королевского рода.

Во время ритуала алтарь охраняли первосвященник с послушниками и десять самых верных стражников, чтобы исключить возможность вмешательства. Этот ритуал, передаваемый из поколения в поколение, сохранился только в Дартелии. По легендам, именно наша страна была образована самой первой, благодаря благословению спустившегося на землю Бога и трудам основателя. Традиции чтили до сих пор, поскольку Дартелия являлась главной страной Триединства.

Бардоулф стал настоящим правителем. Он прошел ритуал, доказав всем право по крови. Во главе с Советом юный король поднимал королевство из грязи и войн. Да, он был не идеальным, люди по-прежнему умирали от болезней и голода. Но положение в стране потихоньку улучшалось. Войн становилось все меньше, и люди учились возделывать неплодородные земли. Казни стали нечастым явлением. И все вздохнули немного свободней, хотя всегда

находились недовольные. Стали даже поговаривать, что с новым королем возродится «эпоха Небес».

Но узнать, что все это оказалось обманом, что наш король – женщина, было сродни предательству.

Меня иглами колол ее леденящий взгляд. Именно в этот момент я понял – моя жизнь становится одной из страшных сказок. Только закончить эту сказку самому мне не удастся.

Я таращился на нее, не смея моргнуть. Голос пропал.

– О Небеса! Да вы его так до смерти испугаете. Нам еще трупа тут не хватало! – укоризненно произнес Алеистер.

– Да ладно тебе, Ал, если он этого не выдержит, то что тогда он вообще здесь забыл? – Бардоулф откинула серебристые волосы за спину и устало оперлась на спинку кресла.

– Ну, что молчишь? Сказал бы уже что-нибудь! – На меня недовольно смотрели большие синие глаза в обрамлении длинных темных ресниц.

Я хотел выдавить из себя хоть слово, но тело решило за меня само. Из живота донеслось гневное и раскатистое урчание, и в комнате стало невозможно тихо. Со стыдом я опустил голову, боясь взглянуть на них. Вдруг, как удар по нервам, раздался заливистый смех. Я украдкой поднял глаза. Это смеялась она. Девушка согнулась, держась за живот, и продолжала хохотать. Советник прикрыл лицо ладонью, но я заметил, что и он слегка улыбается.

– Ох, мой живот, – отсмеявшись, простонала девушка. Она оглянулась на Алеистера. – Я, конечно, знаю, что Совет порой бывает очень жесток, но не до такой же степени, чтобы мальчика голодом морить.

– Ваше Величество, где же вы тут мальчика увидели? Из него можно сделать двух мальчиков. – Глаза советника хитро блеснули. – Никто его голодом не морит, я не виноват, что он просто про еду забывает.

Бардоулф прошлась по мне оценивающим взглядом, и мне нестерпимо захотелось выпрямиться и расправить плечи.

– Ну, двух не двух, а нам все равно один нужен. Я отвечу только на несколько твоих вопросов, поэтому думай хорошо.

– Ме-н-ня убьют? – запинаясь, спросил я, но при этом не отвел взгляд от ее лица.

Девушка нахмурилась.

– Хотели бы убить, не устраивали бы сейчас этот балаган. А ты что думаешь? – Она посмотрела на советника.

Тот с невозмутимым лицом холодно произнес:

– Вы знаете мое мнение, как и всегда.

– Этан…

Я невольно вздрогнул. Мне точно не хотелось слышать свое имя из ее уст.

– Думаю, ты хоть чуточку, но понимаешь, к чему все это ведет. Признаюсь, мне очень не хотелось бы ошибиться в своих выводах и перейти к крайним мерам. Естественно, все здесь знают, что ты не легендарный Словотворец. Ты на удивление способный в своих познаниях, но не обладаешь полноценным даром. Я боюсь, что уже никто и никогда не встретит Словотворца.

– Простите, Ваше Величество. Тогда зачем меня и остальных привели сюда и почему остался именно я?

– Сказала же, ты талантливый. Этого хватило. – Видя мое недоумение, Бардоулф вздохнула. – Нам нужен был тот, кто хотя бы понимает то, что видел ты.

– Понимает старое наречие?

– Не совсем. Это не старое наречие, а, скорее, мертвый язык. Не многие могут его понять и изучить. Нам нужен был пригодный для этого человек.

– Мертвый… вы хотите сказать, язык Словотворцев?

– Язык Словотворцев не способен понять никто, кроме них самих, дуралей. – Советник сложил руки на груди. – Это то, что переписывали их потомки. Только люди с крупицей дара Небес могут прочитать письмена. Со временем ты разберешься. Если думаешь, будто попал сюда случайно, то ты ошибаешься. В тебе тоже есть отголосок потомков Первого Словотворца. И если ты хочешь жить, то путь у тебя один.

– Этан, сейчас тебе нужно уяснить следующее. Для всех король Бардоулф – это мужчина, и так должно оставаться всегда. Для тебя особенно. С Советом, который тебя проверял, нужно быть особенно осторожным. Именно из-за них ты находишься здесь и жив по той же причине. И главное, Этан, теперь тебя будут обучать и в дальнейшем представят как Словотворца короля.

Я вздрогнул и, сглотнув ком в горле, пролепетал:

– Я не могу быть им. Я не настоящий.

– Ненастоящий, да? – Советник потер переносицу. – Настоящий Словотворец нужен настоящему королю. Ни ты, ни он таковыми не являетесь. Каждый из нас играет здесь свою роль. Мы все пешки. И если тебе сказано быть им, значит, так ты и сделаешь. Поэтому не вижу проблемы. Тем более мне начинает казаться, что это все были лишь красивые выдумки. Но с этого дня ты официально перестаешь существовать для всего мира, кроме этого замка, пока тебя не представят народу как надежду всего человечества.

– Вы приказываете мне врать всем, это…

– Этан, мы уже несколько лет обманываем всех, поверь, сейчас не время для честности и доброты. Или ты думаешь, что вытягивать страну по крупицам из кровавого болота можно только честно и благородно?

Бардоулф устало дотронулась до лба. Только сейчас я заметил, что под глазами у нее залегли тени, и сама она выглядела очень измученной. Мне открылась обратная сторона всего этого. На девушку, которую обязан защищать муж, которая должна беречь семейный очаг, взвалили судьбу всего королевства. Вот на эти плечи. Этими руками она держит меч и сражается. Девушка, которая стала королем. Зачем? Почему? Мне было страшно и жутко от всего происходящего. Я не был героем из тех книг, которые читал, но вот она… Она была. И сейчас я тоже мог погреться в этих лучах. Пусть обманом, но я привык всегда все скрывать и врать. Одной ложью больше – наверное, это пустяк.

– Если… – осторожно начал я, – если Ваше Величество позволит, то я хотел бы стать вашим Словотворцем.

И, опустившись на колени, преклонил голову. Я должен был сделать это с самого начала без колебаний. Передо мной был король – мужчина, и неважно, кто на самом деле прятался за его маской.

Послышался шорох и мягкий звук шагов. Бардоулф остановилась передо мной, и я почувствовал холодную ладонь на своих волосах. В следующее мгновение лицо короля возникло перед моим.

– По преданиям, истинных королей и Словотворцев тянуло друг к другу с рождения. Они просто знали, что связаны самой судьбой и не найдут покоя, пока не встретятся. А когда находили, то становились единой мощной силой, способной двигать горы, проливать дожди и озеленять пустоши. Такая сила даровалась лишь потомкам великого основателя. Боюсь, что после стольких лет кровосмешения наследники просто утратили силу своей крови, а потом и просто прогнили. Так что неважно, настоящие мы или нет, важно лишь то, что мы делаем.

Она улыбнулась и потрепала мои волосы.

– Что ж, вставай, Словотворец короля. Надеюсь, это не последняя наша с тобой беседа.

С этими словами Бардоулф повернулась ко мне спиной, давая понять, что пора покинуть ее покои.

После разговора с Его Величеством, вопреки всем моим ожиданиям, дни пошли спокойные и нудные. Окопавшись в куче текстов, я думал, что смог бы найти ответы на глодавшие меня вопросы. Самым главным среди них был: почему именно она стала королем? Это никак не хотело укладываться в моей голове, а раздумья только вызывали ноющую боль. И чтобы хоть как-то отвлечься, я погружался в переписывание оставшихся книг.

Я разбирал одни письмена за другими, не находя и толики отклика в них. Просто сухой текст, просто невзрачные буквы. Они не давали прежних ощущений – меня не окружала природа, не доверяла мне свои истории, словно текст был написан уже другим человеком. Приступы тоже не повторялись, как будто с теми книгами ушли и они. Но я боялся, что это моих скудных знаний не хватает, и поэтому восполнял пробелы в них всеми доступными способами – например, сбегая в библиотеку.

В такие моменты я с удивлением обнаруживал, что мой личный охранник – Джеральд – отлынивал от своих обязанностей и просто дремал. При виде такого беспечного отношения к безопасности мое представление о заместителе капитана личной охраны короля пошатнулось. И в один день я не выдержал:

– Ты всегда ведешь себя так на посту?

Джеральд приоткрыл глаза и потянулся всем телом до хруста.

– А ты планировал сбежать или накинуться на меня? На угрозу тоже не похож. Не обольщайся – я тебя насквозь вижу. Ты простой парень, Этан.

Мне стало немного обидно. В городе меня сторонились, а здесь не воспринимали всерьез.

– Зачем тогда ко мне, такому простаку, приставили аж самого лорда Вальтерсона? – Я скрестил руки на груди.

– А это уже спроси у Его Величества. – Он подмигнул мне.

Список людей, возможно, знавших правду о короле, увеличивался.

Несмотря на подначивание Джеральда, я чувствовал, что могу на него положиться. Он часто бурчал, когда я в очередной раз перетаскивал стопки книг из библиотеки и обратно, но при этом всегда помогал их нести.

Еду теперь просто оставляли за порогом комнаты. Первые разы я забирал поднос к себе и в одиночестве поглощал вкуснейшие блюда. Но все чаще мне в голову приходила немного безумная мысль. Однажды я дождался, когда после стука слуг пройдет немного времени, и вышел за дверь. У стены привычно стоял Джеральд, он молча указал на поднос. Вместо того чтобы забрать его в комнату, я сел на пол и поставил поднос себе на ноги. Джеральд в недоумении выгнул брови.

– Ты же не против, если я здесь поем? – Я взял булочку побольше и бросил ему. – Лови.

Джеральд инстинктивно поймал ее.

– Кхм, мне вообще-то не положено…

– Так же не положено, как спать на посту? – поддразнил я.

Он улыбнулся. Я заметил, что Джеральд – теперь я звал его Джер – очень часто улыбался. И мне стало интересно, какой была его жизнь раньше. Наверняка неплохой, раз улыбка почти не сходила с его лица. Однако такую должность, даже учитывая происхождение, получить весьма непросто. И иногда на его лице проскальзывало что-то неуловимо мрачное. Джеральд оказался еще одной загадкой внутри этих стен.

– Если из-за этого…

– Его Величество приставил тебя охранять меня. Вот и охраняй. Составь мне компанию, а я поделюсь булочкой и половиной куска мяса.

– Ты меня подкупаешь? – Карие глаза озорно блеснули.

– Делюсь с тобой своим одиночеством.

Джеральд сел рядом, а я удовлетворенно переложил один кусок мяса ему на булочку и сам принялся за еду. Мы молчали, но мне было приятно наконец-то пообедать с кем-то – так казалось еще вкуснее.

Я искоса глянул на жующего Джеральда и наконец решился задать мучивший меня вопрос:

– Джер, а ты мог бы ответить на…

– Я не могу сказать больше, чем тебе положено знать, – отчеканил он, резко прервав меня.

Но я должен был хотя бы попытаться, тем более что мое положение здесь стало уже не таким шатким.

– Я хотел лишь узнать, возможно ли передать послание моей семье?

Джеральд окинул меня сочувствующим взглядом и покачал головой.

– Хотя бы просто сказать, что я жив?

– Король ясно дал понять, что теперь тебя не существует.

Мои плечи опустились, и я уперся лбом в согнутое колено.

– У тебя там кто-то остался? – Джер прислонился к стене и вздохнул.

– Сестренка, – мой голос звучал непривычно глухо. – Она болеет… сильно, а в тот день я сказку обещал ей рассказать, но так и не смог…

Слова не шли. Я сидел, уткнувшись в свое колено, испытывая горькое чувство вины, пока не почувствовал тяжелую руку на своем плече. Нет, мне не стало от этого легче, но сделалось чуточку теплее.

Только через четыре дня Его Величество вновь захотел меня видеть.

Я замер на пороге его покоев. Было слишком непривычно снова находиться тут.

Король сидел за своим столом вполоборота ко мне.

– Подожди.

Не отрываясь от бумаг, он махнул мне рукой, и я не посмел двинуться с места. Его Величество продолжал писать и что-то бормотал себе под нос, постоянно хмурясь. На столе и вокруг него образовались горы листов и свитков. По мере того как он читал и откидывал очередную бумагу прочь, кучки под его ногами росли. Наконец король устало повел плечами и окинул меня взглядом.

– Ты уже немного освоился тут?

– Я не знаю, Ваше Величество. Тут вкусно кормят, но кровать чересчур мягкая.

Уголки его губ слегка приподнялись.

– Скучаешь по дому?

– Мне сложно скучать по нему, – пробормотал я, подавляя в себе желание рассказать абсолютно все – от болезни сестры до своих снов.

– Это к лучшему. Но я позвал тебя не просто так.

Король вытянул что-то из огромной стопки на столе и направился ко мне. Сейчас невозможно было догадаться, что передо мной девушка. Одежду подобрали так, что женственность фигуры скрывалась полностью, а руки с развитыми мышцами и вздувшимися венами доказывали, что это мужчина. Молодой, симпатичный, с идеальной осанкой и тяжелым взглядом. Он протянул мне толстый сверток.

– Мне кажется, это должно быть у тебя.

Я осторожно взял его и, видя, что король ждет, стал разворачивать. Моим глазам открылся потрепанный корешок из коричневой кожи, обложка с замятыми углами и потертостями. Сердце забилось быстрее – это была книга моего отца. Привычным жестом я провел пальцами по срезу страниц и открыл книгу. Всегда один и тот же разворот, на котором его рукой было написано: «Только ты можешь сотворить собственную историю». Такая любимая и одновременно ненавистная фраза. Как можно было создать собственную историю, если взгляд изо дня в день утыкался в один и тот же угол, если я носил одни и те же мешки, если на меня каждый день косо смотрели и на улице, и в собственном доме? Но сейчас все поменялось.

Захлопнув книгу и ощутив ее привычную тяжесть в руках, я искренне ответил:

– Не знаю, как вас отблагодарить, Ваше Величество. Вы даже не представляете, как много она для меня значит!

Жесткие черты лица сгладились, а взгляд стал чуть мягче.

– Мне не нужна благодарность, Этан, мне нужна только твоя преданность. Этого будет достаточно. Но в другой раз я бы послушал, что и кого ты оставил за этими стенами. Можешь идти. Если тебе что-то потребуется, то обратись к лорду Вальтерсону.

Я решил озвучить вопрос, который так и вертелся в моей голове:

– Ваше Величество, простите мое любопытство, но он тоже знает о… вашей тайне?

– Я же сказал, Этан, мне нужна только преданность. А род Вальтерсонов самый преданный.

Я поклонился, прижимая свое сокровище к груди.

Кровь стекала по моим рукам. Металлический запах врезался в нос. Опять гул множества голосов. Теперь они шептали громче:

– Смотри.

– Смотри.

– Здесь, все здесь.

– Ты здесь.

– Смотри.

– Смотри.

Я хотел, чтобы они замолчали, но противный шепот лишь становился громче.

– Прости…

Я опять пытался найти его. Это было для меня жизненно важным. Но я по-прежнему не мог разглядеть того, кто говорил.

– Прости… не смогли…

В его голосе сквозило отчаяние. Не извиняйся, ты не виноват. Это все я, только я. Меня захлестнули новые, странные чувства. Я сжал кулаки и почувствовал боль. Синий камень впился в мою плоть, порезав ее. Теперь на нем была и моя кровь тоже.

Резко распахнув глаза, я с трудом понимал, где нахожусь. Последний раз этот кошмар снился мне дома. С того момента, как меня привели во дворец, я его не видел. А сейчас опять. Только теперь он начал меняться. Раньше я никогда не слышал шепот так отчетливо. Неужели все возвращается? Я сунул руку под подушку и сжал книгу. Она привычно успокаивала меня, но теперь я хотя бы не

ощущал себя таким жалким. Наличие даже сомнительной цели разительно меняло все. На столе меня ждало множество книг, а утром я увижусь с улыбчивым Джеральдом. У меня никогда не было друзей. Только иногда, еще в детстве, я играл с другими детьми. Потом они исчезали из моей жизни, и мне приходилось проводить больше времени со старшими.

По кому я скучал, так это по владельцу таверны и его дочке, по местной малышне, а про семью старался не вспоминать. Но порой ловил себя на мыслях об Ие: ей бы понравился этот яблочный пирог, в библиотеке много сказок для нее… Но все это осталось в прошлом, как и тот, старый Этан, а новый Этан ему уже ничем не мог помочь.

День принес много неожиданностей, начиная с того, что меня вытащили из комнаты и сунули под нос невысокому пожилому мужчине, который немедленно стал разглядывать меня, точно диковинную букашку. Советник лишь качнул головой и буднично произнес:

– Будешь заниматься с уважаемым господином Мье?ллерсом.

Я стоял в полной растерянности, не зная, как себя вести. Старик покачал седой головой и, поправив очки, сказал:

– Никаких манер, ужасно-ужасно. Выглядит как конюх, кошмарно-кошмарно. Сколько работы, досадно-досадно. – Он повторял слова по два раза, при этом говоря с самим собой и ни разу не обратившись ко мне.

– Господин Мьеллерс, позвольте сопроводить вас.

Джеральд держался серьезно, соответствуя своему статусу, но я видел, как краешки его губ слегка подрагивают. Ему еще и смешно! Я решил исправить ситуацию:

– Господин Мьеллерс, позвольте представиться…

– Ужасно-ужасно, просто невозможно. Все не то! Ты не можешь обращаться ко мне так, ужасно-ужасно. Где же мой талантливый мальчик? Как с ним было чудесно-чудесно. Мой воспитанный мальчик. – Старик переплел узловатые

пальцы и поднес руки к груди, будто бы молился. – За что мне Небеса послали этого невежу?

Он гневно зыркнул на меня, потом перевел взгляд на Джеральда и смягчился.

– Прекрасно-прекрасно, у вас и у всей вашей семьи просто прекрасные манеры. Ведите же, дабы свет знания и вежливости озарил этого неотесанного юношу.

Волны раздражения окатили меня, я только что не трясся от досады и обиды. Я же не был виноват в том, что ничего не знаю о манерах! А еще Джеральд, который шел и всем своим видом показывал, насколько ему весело от этой ситуации.

Весь день меня учили правильно сидеть, стоять, ходить, даже как рот открывать правильно – не широко, а слегка приоткрыть. Мои ноги, руки и поясница болели от того, что за каждую ошибку я получал звонкий щелчок тонким прутом. Господин Мьеллерс же только качал головой, постоянно повторяя:

– Ужасно-ужасно. Где же мой мальчик? Спину ровнее, кошмарно-кошмарно.

К концу нашего занятия я был готов просто загрызть любого, кто ко мне приблизится. Напоследок мне вручили стопку книг со словами: «Надеюсь, читать ты умеешь». А ведь он точно знал, что умею!

Вернувшись и обнаружив оставленный возле двери поднос с едой, я, не обращая внимания на Джеральда, сел прямо на пол и стал жадно есть.

– Сегодня булочку не дам, – сердито сказал я, проглотив первую порцию. – Не заслужил, ты смеялся надо мной.

Джеральд улыбнулся и встал напротив меня.

– Не над тобой, а над всем происходящим. Согласись, со стороны это выглядело забавно. Ты такой здоровый и стушевался перед сухоньким старичком.

– У него была палка, – возразил я.

Джер разразился смехом. Я не удержался и присоединился к нему.

– Тебе смешно, а у меня от нее все болит, зато теперь я знаю, как правильно открывать рот.

Мужчина пару раз моргнул и снова засмеялся.

– Нас всему учили с детства. Но как правильно открывать рот – такого не было.

Отсмеявшись, я задумался:

– Слушай, Джер, а до меня еще ведь кто-то был?

– Почему ты спрашиваешь? – От моего вопроса он напрягся.

– Господин Мьеллерс говорил про чудесного и воспитанного мальчика, которого он учил до меня.

Джеральд хмуро уставился в пол и молчал.

– Значит, был.

– Я этого не говорил.

– Но и не отрицал. Да ладно тебе, расслабься. На самом деле я просто так спросил. Если мне знать не положено, то… – Я сделал неопределенный жест рукой. – Здесь вообще не любят что-либо объяснять.

– На то свои причины, – пожал Джер плечами. – Поверь, иногда я очень бы хотел оставаться в неведении.

После ужина я расположился в кровати, окружив себя лампами и книгами. Главное было не заснуть и не поджечь здесь все. Я в предвкушении открыл одну из книг, надеясь, что она сможет утянуть меня в себя, как те, которые я переписывал. Но на первой же странице меня ждало разочарование. Это была

всего лишь история нашей страны. Я взял следующую – там оказались легенды о возникновении Дартелии. Потом – легенды о Словотворцах, дальше – карты, страны, правители и другие исторические справки. Во всех книгах, написанных на обычном языке, не нашлось ни тайн и ни даже намека на них. Глупо было ожидать, что сейчас меня станут учить секретам мироздания, тем более учитывая мое положение.

Я решил начать с самой интересной для меня – «Легенды о Звездном Волке».

Исконным символом Дартелии являлся именно волк, окруженный сиянием, который потом перевоплотился в человека, став первым сошедшим с Небес Богом. Его изображали на всех гобеленах. На гербе, доспехах и щитах изначально размещалась только голова воющего волка. Потом, с появлением Триединства, волков стало три – один более крупный посередине, два других смотрели на запад и восток. Королевским цветом считался цвет ночного неба – темно-синий.

Легенда рассказывала о воине, который отстаивал честь своего народа и отказывался сдаваться в рабство. За это казнили его семью. Тогда он взмолился Небесам, прося о помощи и силе, чтобы одолеть врагов и не позволить захватить его народ. Ночью Небо послало ему огромного волка, шерсть которого сверкала, будто сотни звезд. Зверь даровал силу мужчине и обещал всегда следовать за ним, пока тот будет верен их клятве. Вдвоем они одолели врагов. Но последний упал воину в ноги, прося о пощаде для себя и своей семьи. Воин сжалился над ним и отпустил. Но обманщик вонзил ему нож в спину. Волк разорвал врагу горло, но тот успел ранить зверя. Бог больше не смог вернуться, потеряв свою божественную сущность и став человеком. Но он не утратил своей связи с Небом и мог обращаться к нему, получая силу и разделяя ее со своим названым братом. Волк даровал силу написанным словам, наделив их магией и формой. Наградил своего побратима вещими снами и мудрыми советами. Они вместе построили первую большую и процветающую страну – Дартелию (от слова «дар»). Волк служил первому королю верой и правдой, каждый день был ему опорой. Люди прозвали зверочеловека Словотворцем за его дар слов. Он был неприкосновенен, и его почитали не меньше самого короля.

Но все рано или поздно покидают этот мир. Волк, исполнив свою клятву, ушел в один день с королем, передав потомкам великий дар слова —мудрость, записанную им в книгах.

Словотворец умер: он растворился в ночи, а в небе люди наблюдали прекрасный звездопад. В руках же мертвого короля нашли один-единственный камень, который сиял ярче всех звезд на небе. Именно тогда началась история ритуала. На месте, где умерли Звездный Волк и Основатель, люди установили алтарь. Только правитель по крови допускался до ритуала, оставляя чашу с подношением на постаменте. Священники, служившие Небесам, окунали на ночь камень, оставшийся от Первых, в кровь претендента на трон. И если наутро камень ярко сиял, то священники признавали в претенденте нового правителя. И ему по наследству передавался камень, пока не приходило время нового ритуала.

Старший сын правителя принял трон Дартелии, а двум своим братьям отдал две больших территории по бокам и разделил оставленные Словотворцем знания на всех поровну. Камень раскололи на три части. Тогда и было образовано великое Триединство, хранившее и чтившие традиции.

После смерти первого Бога стали рождаться мальчики, способные владеть языком Небес. Они вырастали, шли на зов потомков первого правителя и становились великими Словотворцами, посвящая им самих себя и свои жизни.

Мурашки пробежали по коже. Я знал эту легенду и раньше, но сейчас проникся ею как никогда. Возможно, это была просто красивая сказка. Нигде не упоминалось, когда и что именно произошло. С другими двумя странами у Дартелии были напряженные отношения, и, учитывая сложившуюся ситуацию, я очень сомневался, что они стали бы делиться хоть какими-то знаниями.

Следующие дни оказались похожими на предыдущие. Из меня усиленно лепили того, кто не смог бы опозорить короля. И, признаюсь, это было безумно сложно. Даже Джеральд, видя мои мучения и мешки под глазами, больше не шутил, только сочувственно вздыхал. Если языки и история других стран усваивались легко, то манеры, правила поведения в обществе и умение красиво говорить давались с огромным трудом. Моим мучениям не было конца. Я уже не удивлялся разнообразию аппетитной еды и даже не мог сказать, что после насыщенного дня вообще чувствовал вкус. У меня оставалось единственное

желание – заснуть. Но и это не всегда приносило облегчение. Кошмары вернулись с новой силой. Теперь после них я подолгу приходил в себя. И даже утром не мог избавиться от ощущения, что мои руки все еще в липкой крови.

Также раз в несколько дней меня приводили к королю, чтобы я отчитывался о своих успехах.

– Как проходит твое обучение?

Король, как всегда, сидел за своим столом среди вороха бумаг. И каждый раз мне хотелось предложить ему помощь.

– Простите, Ваше Величество, но, думаю, вам это известно даже лучше, чем мне.

Он улыбнулся.

– Но я спрашиваю именно тебя, Этан, и жду твоего ответа.

– Странно. Все, чего от меня требуют, странно.

– Что же странного в обучении? Тебя всего лишь учат всему необходимому, правилам жизни во дворце. Ты не можешь появиться перед всеми… таким.

– Ваше Величество, даже если надеть на меня другую одежду и обучить этикету, я все равно сомневаюсь, что смогу стать достойным вас.

– А мне так не кажется, Этан. Ты изначально говорил не так, как другие люди твоего сословия. Сейчас твоя речь преобразилась. Я думаю, мы движемся в верном направлении.

Я не нашелся что ответить. Возможно, в его словах был смысл.

В этот раз я задержался дольше, ожидая, пока король закончит свои дела. Выйдя из его покоев, я столкнулся с группой из шести стражников, которые тесным строем окружили двух молодых людей. Поверх шаровар на, видимо, пленниках я увидел свободные туники без рукавов из полупрозрачной мерцающей ткани, что особенно бросалось в глаза. Один из них был высоким,

крепкого телосложения, с короткими черными волосами. Он спокойно смотрел перед собой, не обращая внимания ни на что вокруг. Я с интересом оглядел второго юношу – он точно был не из местных. Его хрупкая фигура выделялась на фоне всех остальных. Светлые волосы волнами ложились на плечи, а большие голубые глаза смотрели слегка испуганно. Я мог бы легко его спутать с девушкой, настолько он казался красивым и беззащитным. Надо признать, что и первый парень выглядел весьма недурно, но его красота была исключительно мужской. Мне стало интересно – их специально отбирали? Но для чего? Второй юноша нервно заправил волосы за ухо, и я обратил внимание на то, что пропустил ранее. На них надели ошейники. А плечи этого хрупкого создания покрывали светлые бороздки шрамов.

Я невольно потянулся к шее, нащупывая свой ошейник, про который порой успевал напрочь забыть. Небольшой толчок в спину вывел меня из оцепенения. За мной выжидательно стоял недовольный Джеральд. Поняв, что слишком открыто и долго позволил себе пялиться на них, я подвинулся. Джер прошел вперед, бросив хмурый взгляд на процессию, которая уже входила в покои короля. Его челюсти сжались, и он, отвернувшись, быстро зашагал вперед. Я еле поспевал за ним, не понимая, чем вызваны такие разительные перемены в улыбчивом стражнике. Это был первый раз, когда Джеральд так злился. Мысленно я возвращался к тем юношам. Они не походили на рабов, но ошейники говорили сами за себя. Я опрометчиво решил спросить Джера об этом.

– Не суйся, куда тебя не просят, – рыкнул он.

От этого стало обидно. Я не знал здесь ничего и никого. В меня ежедневно засовывали знания об истории, легендах, бесполезных рукописях, но никогда ничего не объясняли. Я думал, что хотя бы Джеральд относился ко мне хоть чуточку лучше. Я горько улыбнулся. Советник назвал бы меня наивным.

– Велерос, расположившийся на западе, был знаменит военной мощью. Именно он предоставлял Дартелии свои войска и оружие, особенно после отсоединения северных земель. – Господин Мьеллерс монотонно рассказывал, попутно проводя указкой по карте. – Пока король Оррах не решил нарушить законы и завладеть

Велеросом. Сейчас западная страна Триединства держит нейтралитет. Но есть надежда, что новый король изменит свое отношение к нам. А теперь вопрос к вам, молодой человек: как зовут действующего короля Велероса?

Я чуть было не застонал в голос. Уже который день моя голова гудела от бесчисленных титулов и имен.

– Эмилий Велеросский. Он – законнорожденный наследник страны, а также единственный сын старого короля.

Старик удовлетворенно кивнул и продолжил рассказывать об устройстве Велероса.

И в этот раз я добрался до короля позже обычного. Господин Мьеллерс очень долго разъяснял важность связи королевств Триединства как единого организма. У меня создалось ощущение, будто бы он думал, что лишь от моего желания зависело благополучие всех народов.

Войдя в королевские покои, я привычно замер на пороге, ожидая, пока Его Величество закончит дела и обратит на меня внимание.

– Подойди, – его голос был немного охрипшим.

Я осторожно двинулся к нему. Он указал на стул рядом со своим – меньше и не столь вычурный.

Меня охватила странная тревога: впервые я сидел рядом с королем. Мои пальцы сами собой стали нервно перебирать край рубашки.

– О Боги, – он закатил глаза, – я не собираюсь тебя есть, можешь расслабиться. Здесь даже Ала нет.

– Простите, Ваше Величество, просто я не привык сидеть так близко к королю. Может, я мог бы вам помочь?

Король покосился на неразобранные кучи документов и задумался.

– Наверное, можешь. Разбери дальнюю стопку по содержанию. Там в основном жалобы.

Я с готовностью сортировал кучу непонятных бумаг. Мне казалось, что их было не так много, но дело продвигалось медленно. Приходилось вчитываться, чтобы понять, куда определить очередной листок. Я настолько погрузился в монотонную работу, что потерял счет времени. Когда стопка подошла к концу, я повел плечами, чтобы хоть немного размять затекшие мышцы.

– А тебе когда-нибудь говорили, что ты не похож на коренного дартелийца? – Оказывается, король уже закончил свои дела и, подперев рукой подбородок, беззастенчиво меня разглядывал.

Такое пристальное внимание порядком смущало.

– Мне часто говорили, что я похож на танморовца.

Его брови удивленно приподнялись.

– Чушь, совсем не похож. Скорее, ты мне напоминаешь велеросцев своими мягкими чертами и оттенком кожи. А вот глаза – такие же изумрудные, как у лесных жителей Хельгура.

Я почувствовал, как против воли щеки начинают гореть, и попытался тоже ответить хоть что-то:

– У вас, Ваше Величество, волосы необычайной красоты.

– Мои волосы? – Он подцепил пальцами прядь и, взглянув на нее, нахмурился. – Они просто седые, Этан, никакой красоты здесь нет.

Слова застряли в горле. Увидев первый раз белоснежные волосы короля, я представил северные льды из книг, которые должны так же блестеть на солнце. Тогда я счел их цвет просто особенностью, доставшейся в наследство от народа Севера. Но я никак не мог предположить, что они седые, ведь седина – это признак старости, а наш король был молод. Что же заставило его волосы потерять свой цвет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ast_ol-ga/posledniy-slovotvorec-lozhnaya-nadezhda

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити